

Блик

Автор:

Рейвен Кеннеди

Блик

Рейвен Кеннеди

Freedom. Золотая пленница #2

Десять лет я жила в золотой клетке царя Мидаса. Но одна ночь изменила все.

Теперь я здесь, в плену у армии Четвертого королевства. Не уверена, что смогу выбраться целой и невредимой. Они идут в бой, а я – разменная монета, которая либо погасит огонь, либо развяжет войну.

Командир Рип.

Жестокий на поле боя, порочный до глубины души. Рип вызывает во мне ужас. В нем кипит невероятная сила, а на его спине растут острые шипы. Но глаза... самые притягательные из всех. Я знаю, что они скрывают. Когда Рип смотрит на меня, я чувствую себя пленницей не Четвертого королевства, а его лично.

Фейри.

Предатели. Убийцы. Те, кто едва не уничтожил Орею, стерев с лица земли Седьмое королевство. В игре королевских войн я – золотая пешка. И я должна обхитрить их всех.

Рейвен Кеннеди

Блик

Посвящается тем, кто не видит прутьев решетки, но все равно чувствует себя загнанным в клетку. Летите.

Raven Kennedy

GLINT

Copyright © 2021 by Raven Kennedy

All Rights Reserved

© Конова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Царица Малина

Куда ни взглянешь, всюду золото. Замок Хайбелл целиком переливается характерным блеском. За последнее десятилетие люди объездили Орею вдоль и поперек, только чтобы на него взглянуть. Дворец получил известность благодаря своему великолепию, а людей всегда прельщала его безграничная роскошь.

Но я помню, каким замок был раньше. Помню сланцевые парапеты и железные ворота. Помню, как надевала платья разнообразных цветов, а посуда на столе

стояла белая в тон волосам семейства Кольер. Помню, когда колокол в башне был медным, а его звон – ясным и чистым.

То, что раньше весило чуть меньше перышка, теперь по силам поднять лишь нескольким мужчинам. Детали, которые когда-то несли в себе цвета эпохи и истории, теперь блестят как новенькие. Даже розы в атриуме позолотили, и они больше никогда не распустят новые бутоны и не наполнят воздух своим ароматом.

Я выросла в замке Хайбелл. Знала каждый шероховатый камешек и неровность ступени. Знала темные волокна дерева в оконных рамах. Я до сих пор помню ощущения, когда сидела на отцовском троне, слившемся в одно целое с камнем и алмазами, добытыми из восточных гор.

Порой я просыпаюсь среди ночи, запутавшись в золотых простынях, и не могу понять, где нахожусь. Я больше не узнаю свой дом.

И почти всегда не узнаю себя.

Почетные гости, прибывшие с визитом, упиваются лоском и блеском. Их восхищает точность каждой измененной поверхности, и они воспевают силу Мидаса.

Но я скучаю по прежнему облику Хайбелла.

По каждому серому уголку, по каждому грубому стулу, даже по уродливым голубым гобеленам, которые раньше висели в моей бывшей спальне. Удивительно, как вам начинает не хватать некоторых предметов, когда вас их лишают.

Соглашаясь выйти замуж, я знала, что буду скорбеть по утрате контроля над Шестым царством. Когда умер отец, знала, что буду его оплакивать. И тем более знала, что буду скучать по прежнему имени и титулу – принцесса Малина Кольер.

Но я не предвидела, что буду сожалеть об утрате самого дворца. Такого предугадать я не могла. Комната за комнатой, предмет за предметом – все

изменилось у меня на глазах, вплоть до каждой подушки и винного бокала.

Не смею отрицать: сначала это радовало. Золотой замок в замерзших горах – это что-то сказочное, а у меня был царь, сделавший меня царицей. Мне посчастливилось устроить брак, который предоставил мне возможность остаться здесь, в своем доме, и продолжить царский род.

Но вот я здесь, сижу в золотой гостиной, давным-давно лишившись своего легковерия. У меня нет наследников, семьи, магии, партнерства со своим мужем и признания в том самом месте, где я выросла.

Я окружена богатством, которое не представляет для меня ценности.

Этот замок, место, где родила меня мать, где правили мой отец и дед, где хранятся все самые дорогие мне воспоминания, стал чужим. Он не предлагает ни утешения, ни радости, ни тем более сказки.

Люди ослеплены его великолепием, тогда как мой взгляд подмечает каждую царапину на золотых полах и стенах. Я обращаю внимание на каждую потертость мягкого металла, искаженную форму. Я улавливаю уголки, которые не отполировали слуги, замечаю каждый потускневший обломок.

Золото может сверкать, но оно не выдержит проверку веками. Оно изнашивается, тускнеет, становится всего лишь навязчивой гнусейся поверхностью, лишенной выносливости.

Я презираю золото. В точности как стала презирать его.

Своего прославленного супруга. Люди падают ниц не передо мной, а перед ним. Возможно, у меня нет магической силы, но возмущение несправедливостью тоже обладает могуществом.

Тиндалл пожалеет. За каждый миг, когда оттеснял меня в сторону, за то, что всегда принижал, за то, что отобрал царство.

Я заставлю его за все это расплатиться, только не золотом.

– Хотели бы вы, чтобы я для вас спел, Ваше Величество?

Мой взгляд падает на сидящего передо мной придворного. Он юный, ему, наверное, около двадцати. Приятный глазу и слуху. Отличительная особенность всех моих придворных.

Их я тоже презираю.

Они жужжат как паразиты, поглощающие красивые блюда, отнимающие воздух своей бессмысленной болтовней. Сколько бы раз я ни пыталась от них отмахнуться, они всегда возвращаются и снова кружат вокруг меня.

– А ты хочешь петь? – спрашиваю я, хотя это и откровенно спорный вопрос, потому что...

Его улыбка становится шире.

– Я хочу делать все, что доставляет удовольствие моей правительнице.

Фальшивый ответ от фальшивого спутника.

Таковы все эти придворные. Притворщики.

Сплетники. Приставленные ко мне, чтобы отвлекать и забавлять. Словно я жеманная, глупая женщина, испытывающая нужду в бестолковых развлечениях на протяжении целого дня.

Но Тиндалл уехал – сорвался в Пятое королевство, где люди, без сомнений, преклонятся перед Золотым царем. Мидас придет от этого в восторг, и меня это устраивает.

Потому что пока он там, я здесь. Впервые я в Хайбелле без его навязчивого общества.

Словно сами Боги подали мне знак. Здесь нет мужа, на которого должно полагаться. Нет короля, перед которым обязана преклоняться. Нет его вездесущей золотой куклы, воплощения алчности, сияющей мерзким лживым

блеском.

У меня появился шанс.

Когда Тиндалл уехал, отвлеченный идеей подмять под себя Пятое королевство, у меня появилась возможность, и я ее не упущу.

Может, теперь я и не узнаю стены этого замка, но он по-прежнему мой.

У меня все те же амбиции, какие появились еще в детстве – до того, как стало ясно, что магической силы мне не досталось, до того, как отец отдал меня Тиндаллу, ослепленный блеском его золота.

Но меня золото не ослепляет. Уже нет.

Потому что моей мечтой, моей ролью и долгом всегда было правление Хайбеллом.

Не подчиняясь мужу, не будучи отставленной в сторону или сносящей отношение как к изнеженной простофиле. Тиндалл Мидас наложил руки на все, наведя лоск на всю мою жизнь.

И я ему позволила. Мой отец позволил. Все чертово царство ему позволило.

Но с меня довольно.

Мне осточертело сидеть на обитом стуле, вышивать дурацкие носовые платки, поедать омерзительно сладкие пирожные, пока придворные судачат о том, какое платье надела такая-то девушка – просто потому, что им нравится звук собственных голосов.

Мне надоело быть молчаливой холодной царицей, застывшей на месте.

Тиндалл уехал, и впервые с тех пор, как я стала царицей, я могу быть ей по-настоящему.

И так я и намерена поступить.

Я всю свою жизнь носила корону, но наконец-то ею воспользуюсь.

Глава 2

Аурен

Во время езды меня подташнивает так же сильно, как болтаются деревянные колеса кареты.

При каждом повороте перед мысленным взором всплывает еще одно воспоминание, и бесконечный цикл эпизодов продолжает кружить и вращаться, словно ястребы, пикирующие с неба на брошенную падаль.

Смерть так и липнет ко мне.

Я очень хотела покинуть свою клетку. Беспрепятственно бродить по замку Мидаса. Мои скука и одиночество осели в горле огромным комом, который мешал говорить, который нельзя было проглотить, заглушить. Я судорожно и глубоко дышала, прижав язык, и мечтала, надеялась, что этот глубокий вдох наполнит легкие и освободит меня от удушающего гнета моей решетки.

Но теперь...

На моих руках кровь, хотя на коже нет красных пятен. Но я ее чувствую каждым касанием пальца, словно истина пропитала линии судьбы на моих ладонях.

Моя вина. Смерть Сэйла, боль Риссы, исчезновение Дигби – во всем виновата я.

Я бросаю взгляд на затянутое облаками небо, однако не вижу бело-серой мглы. Вместо нее на мои виски обрушиваются эти неустанно кружащиеся воспоминания, возрождая в памяти картинку.

Я вижу, как скачет на коне Дигби, его удаляющуюся фигуру между черным небом и белоснежной землей. Вижу красное пламя, вырывающееся из-под лап огненных когтей; снег, летящий из-под пиратских кораблей, напоминающий волны в ледяном море. Вижу, как плачет Рисса, как нависает над ней капитан Фейн с ремнем в руке.

Но чаще всего я вижу Сэйла. Вижу, как его сердце протыкает лезвие капитанского кинжала, будто веретено колет палец. Его кровь стекает в лужу на земле красными нитями.

В ушах до сих пор стоит крик, когда его тело упало мне на руки и в тот же миг угодило в жестокие объятия Смерти.

Горло пересохло и болит, измученное ночью, которой, кажется, нет конца. Сначала я выла от потрясения и горя, а потом задохнулась, лишившись всяческой надежды на воздух.

Когда Красные бандиты привязали тело Сэйла к мачте на носу корабля, подвесили его на судне без парусов и принялись злобно высмеивать его имя, у меня перехватило дыхание.

Никогда не забуду, как висело там его негибное тело, как обрушились на его немигающие голубые глаза снег и ветер.

А еще никогда не забуду, как воспользовалась всей своей силой, чтобы столкнуть его тело за борт, помешав пиратам и дальше продолжать оскорблять моего друга и умалять его достоинство.

Мои ленты ломит от ноющей боли при воспоминании о том, как я перерезала веревки, которые его удерживали, как тащила его хладное тело по грубым деревянным доскам.

За десять лет Сэйл стал моим первым другом, и мне довелось знать его совсем недолго, а потом я была вынуждена смотреть, как его жестоко убивают на моих глазах.

Он не заслуживал такой смерти. Не заслуживал безымянной могилы посреди Пустоши, не заслуживал быть похороненным в снежном океане.

Все хорошо, все хорошо, все хорошо.

Я крепко зажмуриваюсь, слыша эхо его голоса, проникающего прямым в сердце. Он пытался меня успокоить, стремился поддержать мой дух и придать смелости, но мы оба знали правду. Как только моя карета опрокинулась и нас схватили Красные бандиты, ничего хорошего для нас уже быть не могло.

Он знал, но все равно, до самого последнего вздоха, пытался меня защитить, уберечь.

Из горла вырывается болезненный всхлип, ухватившийся за боль, как нитка, зацепившаяся за заусенец. Мои золотые глаза жжет, когда по обветренной щеке стекает еще одна соленая капля.

Может, меня наказывало великое Божество – силы, к которым причислены все боги и богини нашего мира. Может, случившееся – предостережение, что я переоценила свои силы, необходимое напоминание об ужасах, таящихся в окружающем меня мире.

Я была в безопасности. На вершине мерзлой горы, в самой высокой башне золотого замка я была в безопасности в своей золотой клетке. Но я стала неугомонной. Ненасытной. Неблагодарной.

Вот что я и получила. Это моя вина. За те мысли, чреватые последствиями, за желание иметь больше, чем у меня уже было.

Я чувствую, как трепещут мои поникшие ленты, словно желая подняться и пройти по припухшей щеке, словно желая утешить.

Но ничего подобного я не заслуживаю. Сэйла больше никогда не утешит мать. Рисса не получит утешение в объятиях мужчин, которые ей платят за удовольствие. Мидас не получит утешения от марширующей к нему армии.

Солдаты Четвертого королевства пробираются сквозь снег, по пустой равнине передвигается темная сила. Они скользят шелковистым потоком из черной кожи и гладких обсидиановых лошадей, пересекающих страну вечного холода.

Я понимаю, почему вся Орея страшится войска короля Ревингера – или короля Рота. Если не брать в расчет его магию, то эти солдаты, даже без своих боевых доспехов, – вселяющее страх зрелище.

Но никто из них не сравнится с идущим во главе командиром.

Время от времени я замечаю его скачущим на лошади. Дорожка ужасных шипов вдоль его позвоночника изгибается так же, как и жестокие хмурые брови. Черные глаза, похожие на бездонную пропасть, готовы поймать в западню любого, кто осмелится в них заглянуть.

Фейри.

Здесь и сейчас рядом с нами чистокровный фейри. И он не прячется, а возглавляет армию жестокого короля.

Я воспроизвожу в памяти наш разговор, от которого начинают дрожать руки и становятся липкими ладони.

Я знаю, кто ты.

Забавно, то же самое я хотел сказать про тебя.

Я пребывала в ступоре, когда он произнес эти слова, и разинула рот, как выброшенная на сушу рыба. Он лишь ухмыльнулся, сверкнув на долю секунды своими свирепыми клыками, а потом дернул головой в сторону этой кареты и запер меня в ней.

Но я привыкла сидеть взаперти.

Здесь я уже несколько часов. Волнуюсь, обдумываю, проливаю слезы и рвано дышу, пытаюсь постичь случившееся.

Чаще всего я позволяла себе давать волю чувствам, пока никто не видел.

Я прекрасно понимаю, что нельзя показывать слабость марширующим рядом солдатам и особенно командиру.

Поэтому позволяю себе разом все прочувствовать в уединении деревянных стен, разрешаю эмоциям взять верх, позволяю поселиться в голове тревожной мысли «что теперь будет».

Потому что понимаю: как только процессия остановится на ночлег, я не смогу выставить эту уязвимость на всеобщее обозрение.

Поэтому я сижу.

Сижу и смотрю в окно, голова кружится, тело ноет, слезы текут, а я осторожно распутываю узлы на моих несчастных поруганных лентах.

Золотые атласные полоски, растущие по бокам моего позвоночника, кажутся сломанными. Они болят и горят там, где капитан Фейн жестоко завязал их в клубки. Каждое прикосновение заставляет их вздрагивать, а меня – скрежетать зубами.

Мне приходится часами потеть и трястись, корчась от боли, но развязать узлы все же удается.

– Наконец-то, – бормочу я, разобравшись с последним.

Я отвожу плечи назад, и кожа, к которой крепится каждая лента, – по двенадцать с каждой стороны от позвоночника, от лопаток и до ягодиц, – натягивается.

Я расправляю все двадцать четыре ленты, насколько это позволяет сделать тесное пространство, и нежным прикосновением разглаживаю их, надеюсь, что моя ласка снимет их боль.

Лежащие на полу кареты и на скамье, они кажутся мятыми и безжизненными. Даже золотистый цвет несколько потускнел в сравнении с привычным для них

блеском. Напоминает поблекшее золото, нуждающееся в чистке.

У меня вырывается судорожный вздох, пальцы ноют от того, сколько пришлось приложить усилий, чтобы распутать каждый узел. Моим лентам никогда еще не было так больно. Я так привыкла их скрывать, держать в тайне, что ни разу не пользовалась ими, как сделала это на том пиратском судне, и это очевидно.

Дав своим лентам отдохнуть, я осматриваю остальные части своего тела в последних обрывках серого дневного света. После того, как карета перевернулась, у меня болят плечо и голова, а еще оттого, что меня грубо вытащили из нее Красные бандиты, когда захватили в плен.

На нижней губе небольшой порез, но его я почти не замечаю. Сильнее болит щека, по которой ударил капитан Фейн, и бок, куда он пнул меня по ребрам. Вряд ли он что-то сломал, но от каждого движения я резко втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы.

Мучительное ощущение в животе напоминает, что он пустой и голодный, а во рту сухо от жажды. Но сильнее всего обращает на себя внимание тот факт, что я совершенно вымотана.

Истощение цепью сковало лодыжки, надело кандалы на запястья, обрушилось на плечи. Силы и задора во мне как не бывало, словно из спины вытащили затычку и разом выкачали всю мощь.

Светлая сторона? Я хотя бы жива. Хотя бы ускользнула от Красных бандитов. Я не подвергнусь мучениям, которые наверняка для меня уготовил Квотер, узнав о пропаже своего капитана. Квотер не тот человек, в плену которого вы хотели бы очутиться.

Хотя мои новые сопровождающие далеки от идеала, я по крайней мере направляюсь к Мидасу, пусть даже не зная, что меня ждет, как только мы туда доберемся.

Выглянув из окна кареты, я вижу, как на снегу остаются следы от темных копыт, а всадники горделиво сидят в седлах и уверенно движутся вперед.

Теперь я должна быть сильной.

Я – пленница армии Четвертого королевства и потому не допущу слабости. Не знаю, такие же золотые у меня кости, как и все остальные части моего тела, но ради собственного же блага надеюсь, что да. Надеюсь, что позвоночник тоже из чистого золота, потому что мне нужна крепкая опора, если я хочу выжить.

Закрыв глаза, я поднимаю руки и прижимаю кончики пальцев к векам, пытаюсь прогнать жжение. Я устала, но заснуть не могу. Я не спокойна. Не могу, когда вокруг меня марширует войско, а над головой нависают те жуткие воспоминания.

Неужели еще вчера утром Сэйл был жив? А Дигби грубо раздавал приказы своим людям? Кажется, что прошли недели, месяцы, годы.

Время меняется вместе с мучениями. Оно тянется, удлиняя секунды, продлевая минуты. Я познала на опыте, что страх и боль имеют свойство растягиваться. И словно жестокости в этом мало, наш разум снова и снова заставляет проживать заново эти мгновения – даже после того, как они прошли.

Какое гадкое это время.

Я знаю, что оставила частичку себя на том пиратском судне. Я пережила довольно много ужасных минут, чтобы познать это непрестанно болезненное ощущение.

Каждое горе, что я пережила, каждая мучительная боль вырывала из меня по частичке. Я ощущала каждый оторванный кусочек, видела каждый осколок, падающий за спиной на путь моего прошлого. Они оседали, как хлебные крошки, только для того, чтобы их схватили злые хищные птицы.

В Хайбелле люди порой неделями проделывали путь, чтобы просто взглянуть на меня. Мидас разрешал мне стоять рядом с ним в тронном зале, пока они глазели.

Но сколь бы долго я ни стояла там с ним, на пьедестале, никто так и не увидел меня настоящую. Если бы они только взглянули повнимательнее, то заметили бы, что я всего-навсего истерзанная, изрешеченная девушка, а моя золотистая

кожа скрывает разбитое сердце.

Глаза щиплет, подсказывая, что я бы снова заплакала, останься у меня хоть сколько-нибудь слез, но, думаю, и они во мне тоже иссякли.

Я ведать не ведаю, где сейчас другие наложницы и стражники, и понятия не имею, что намеревается со мной сделать командир, но я не дура. Король Рот отправил силы своего войска в Пятое королевство, чтобы вступить в бой с Мидасом, и я боюсь за своего царя так же сильно, как боюсь за себя.

Я вздрагиваю, когда последний лучик солнца наконец падает на землю и прячется за горизонтом. День подошел к концу, и вместе с этим я вынуждаю себя запереть и свои чувства.

Теперь, когда сумерки предвещают скорое наступление ночи, карета резко останавливается. В этом конце Ореи ночь опускается быстро и свирепо, поэтому неудивительно, что армия Четвертого королевства начинает разбивать лагерь.

Я остаюсь в неподвижной карете и прислушиваюсь к солдатам. Из окон мало что видно из-за стоящих по обе стороны лошадей; затененные фигуры, принявшись за работу, двигаются быстро.

Прождав примерно половину часа, я начинаю ерзать: нужда облегчиться становится назойливой. Тело бунтует, голод и жажда не ослабевают, усталость захлестывает, как бурлящее море, которое жаждет утащить меня под воду.

Я просто хочу поспать. Уснуть и не просыпаться, пока боль не стихнет – и физическая, и душевная.

Еще рано, напоминаю себе я. Отдыхать еще рано.

Я щипаю себя за локоть, заставляя держаться настороже. Пытаюсь разобрать хотя бы что-то сквозь какофонию звуков снаружи, но тут тускнеет последний свет, и натиск ночи накрывает меня холодным одеялом.

Прислонившись головой к стене кареты, я на мгновение закрываю глаза. Всего на мгновение, убеждаю себя я. Чтобы просто ослабить жжение в припухших

глазах, чтобы просто унять боль во всем теле.

Всего на мгновение...

Я вскидываюсь и резко открываю глаза, когда в замок вставляют ключ.

Дверь кареты распаивается внезапно и с той же скоростью, с какой у меня вырывается вздох, и на пороге показывается он, угрожающе стоящий под покровом ночи и смотрящий на меня огромными глазами.

Командир Рип.

Глава 3

Аурен

Настороженная и напряженная, я набираю воздуха в грудь и не моргая смотрю на командира. Я вот-вот познаю на собственном опыте, что такое быть его узницей.

Голова кружится. В мыслях один за другим мелькают разные варианты, и я пытаюсь взять себя в руки.

Он схватит меня за волосы и вытащит из кареты? Примется пугать и издеваться? Вынудит раздеться, чтобы лично удостовериться, действительно ли золотая у меня кожа? Передаст по кругу своим солдатам? Мне придется носить цепи?

Я не осмеливаюсь показать ему, о чем думаю. Я не могу давать подсказок насчет того, какие идеи кружат у меня в голове.

Всю грусть, все волнение я наматываю на катушку, как старую пряжу, и прячу рваные нити. Потому что если покажу ему свой страх, если открою свои слабости этому мужчине, он с радостью ухватится за эти нити и дернет, распутав все мои помыслы.

подави слабость, и возрастет сила...

Эти старые, почти забытые слова появляются из ниоткуда, словно сознание припрятало их, чтобы в самый нужный момент о них напомнить.

Я вдруг вспоминаю, как их напевали, тихонько нашептывали мне на ухо, но с неумолимым оттенком в голосе.

Сейчас они во мне отзываются, и это помогает мне держать плечи прямо, помогает гордо поднять подбородок, чтобы встретиться с командиром лицом к лицу.

Под мышкой он держит шлем, а черные волосы несколько взъерошились от долгих часов его ношения. Я рассматриваю его бледное лицо, ряд коротких и тупых шипов над каждой бровью. Воздух пропитывается его давящей аурой, покрывая мой язык, как сахарная пудра, забивая каждую частичку языка.

Эта аура на вкус отдает властью.

Интересно, как бы отреагировали люди, если бы узнали его истинную сущность? Он не человек, в чьих жилах течет магия, унаследованная от дальних предков из рода фейри. Не тот, чье тело изменил и сгноил своей силой король Рот. Не просто командир армии с кровожадным пылом, любящий отрывать головы у своих врагов.

Нет, он гораздо смертоноснее. Более пугающий. Чистокровный фейри, спрятавшийся у всех на виду.

Знай они правду, то разбежались бы в страхе? Или восстали бы против него, как сделали ореанцы сотни лет назад? Они убили бы его, как убили остальных?

В те темные времена часть фейри пытались отразить атаку, но столкнулись с численным превосходством противника, и им не помогла даже их выдающаяся магия. Некоторые фейри попросту не хотели сражаться. Они не хотели убивать людей, которых считали друзьями, возлюбленными, семьей.

Но бросив всего один взгляд на командира Рипа, я понимаю, что он-то как раз и будет сражаться. Он будет сражаться, и Орея проиграет.

Возможно, минуло несколько сотен лет с тех пор, как разделились Орея и Эннвин – царство фейри, но даже я потрясена тем, что никто не знает, никто не видит, что он такое на самом деле, тогда как для меня это было сразу же очевидно.

По напряженному взгляду Рипа я понимаю, что не единственная, у кого голова идет кругом. Мы молча изучаем друг друга, давая оценку, анализируя, обдумывая.

Меня снедает любопытство, как сносит ветер растение без корней. Как же очутился здесь командир Рип, в чем заключается его цель? Неужели он всего лишь наемный сторожевой пес короля Ревингера, которого тот спустил с поводка и разрешил скалить зубы и рычать на врагов? Или же у него иные намерения?

Он проводит по моему телу оценивающим взглядом, а я сижу в карете и вижу, как он мысленно делает заметки. Мне требуется все самообладание, чтобы не поерзать, не съежиться под его пристальным взглядом.

Его взгляд цепляется за мою опухшую щеку и разбитую губу, а потом опускается на помятые ленты, разметавшиеся по карете. Мне не нравится его заинтересованность. Каждый раз, как он смотрит на них, мне хочется спрятать ленты. Если бы им не было так больно, я бы обернула их вокруг тела и скрыла от чужих глаз.

Когда он все же заканчивает меня оценивать, то смотрит в глаза своим черным взглядом. Я замираю, готовая к тому, что он вытащит меня из кареты, станет выкрикивать приказы или угрозы, но командир просто продолжает глядеть, словно чего-то ждет.

Если он ожидает, что я сломаюсь, примусь умолять или плакать, то напрасно. Я не сдамся под его пронизывающим взглядом и не рассыплюсь от его режущего слух молчания. Я просижу тут всю ночь, если потребуется.

Как на зло, мой желудок не такой упрямый, как я, потому что он тотчас издает неприемлемо громкое рычание.

Услышав, командир прищуривает глаза, словно это нанесло ему личное оскорбление.

– Ты голодна.

Не будь я в таком диком ужасе, закатила бы глаза.

– Конечно, голодна. Я просидела в этой карете целый день, да и Красные бандиты в плену нас точно не угощали роскошными блюдами.

Если его и удивляет презрение в моем тоне, то он этого не показывает.

– А Золотая пташка-то может и заклевать, – бормочет он и опускает взор на перья на рукаве моего пальто.

Услышав прозвище, я в негодовании скрежещу зубами.

Есть в нем что-то. Или, может, после пережитого ужаса что-то изменилось во мне. Какова бы ни была причина, будь то обстоятельства или конфликт двух миров, среди всех эмоций начинает превалировать гнев. Я пытаюсь подавить его, как пружину в мышеловке, но он не хочет оседать.

Я должна оставаться спокойной, непоколебимой. Мне нужно быть камнем посреди стремительного потока. Теперь я в самой гуще событий, более уязвима, чем раньше, и не могу позволить, чтобы меня снесло течением.

Командир наклоняет голову.

– Ты останешься в той палатке, – говорит он и показывает рукой налево. – Тебе принесут еду и воду. Отхожее место находится на западной окраине лагеря.

Я жду еще распоряжений или угроз, или насильственных действий, но напрасно.

– И это все? – недоверчиво уточняю я.

Он наклоняет голову, этим движением снова напомнив мне истинного фейри, и я мельком замечаю блеск самого высокого шипа между его лопатками.

– А ты чего ждала?

Я подозрительно щурюсь.

– Ты самый грозный армейский командир во всей Орее. И я не жду, что ты станешь вести себя иначе, противореча своей репутации.

Стоит этим словам вылететь из моего рта, как командир наклоняется, упираясь руками в раму кареты, и выставляет напоказ зловещие шипы на предплечьях. Бледно-серые переливающиеся чешуйки на его скулах сверкают, как блестящее лезвие серебряного клинка, что уже можно счесть предупреждением.

Я задыхаюсь на вдохе, который застревает в груди, словно облепивший горло сироп.

– Поскольку тебе уже, похоже, известна репутация человека, под надзором которого ты оказалась, я не стану тратить твоё время понапрасну и пускаться в объяснения, – говорит Рип низким голосом, в каждом слове сквозит леденящая кровь нотка. – Ты кажешься умной женщиной, поэтому не стоит напоминать, что уйти ты не можешь. Ты замерзнешь до смерти, и я все равно тебя найду.

Сердце рвется из груди: его обещание можно счесть и угрозой.

Я тебя найду.

И найдут меня не его солдаты, а он сам. Не сомневаюсь, что он обыщет всю Пустошь и выследит меня, если я попытаюсь сбежать. Он и впрямь бы меня нашел. Ну что за удача!

– Царь Мидас убьет тебя за мое похищение, – отвечаю я, хотя все мое тело хочет съежиться от его близости, от его невыносимого присутствия, которое проникает в карету.

Уголок его губ приподнимается так же, как его изогнутые шипы.

- С нетерпением жду.

Меня воротит от его надменности, но проблема в том, что я знаю: такая дерзость оправданна. Даже без могущественной древней магии фейри, которая в нем ощущается, он воин до мозга костей. С мускулами, щеголяющими силой, и манерой вести себя, которая свидетельствует о его боевой мощи, он явно не тот, кого я хотела бы видеть вблизи Мидаса.

Похоже, часть моих мыслей проскальзывает сквозь трещинки моей стойкости, потому что командир выпрямляется, и на его лице появляется снисходительное выражение.

- О, теперь я понимаю.

- Что понимаешь?

- Тебе дорог царь-захватчик, - он почти выплевывает эти слова, сыпля обвинением таким же острым, как и его клыки.

В недоумении я смотрю на него, на ненависть, стекающую с его губ, как медленный холодный дождь. Если подтверждаю его слова, воспользуется ли он ими против меня? Если отрину, поверит ли?

Глядя на мое лицо, он издает насмешливый звук.

- Золотой пташке нравится ее клетка. Какая жалость!

В гневе я сжимаю руки. Мне не нужны его суждение, его пренебрежение, его предположение, что он знает меня и мои обстоятельства или имеет право критиковать мои отношения с Мидасом.

- Ты не знаешь меня.

– Правда? – выпаливает он в ответ скрипучим для слуха голосом. – В Орее всем известно о фаворитке Мидаса, как и о его способности обращать все в золото.

Я в гневе смотрю на него.

– Точно так же всем известно, что король Рот спускает с поводка своего ручного монстра, чтобы тот сделал за него всю грязную работу, – отвечаю я и многозначительно смотрю на шипы на его предплечье.

Вокруг Рипа начинает клубиться темная аура, отчего волосы на шее у меня встают дыбом.

– О, Золотая пташка, сейчас ты считаешь меня монстром, но ты еще ничего не видела.

Невысказанная угроза проносится, как засушливый ветер, от которого пересыхает во рту.

Нужно быть очень осторожной с этим мужчиной. Нужно всеми силами его избегать, уклоняться от его порочности и постараться выйти из этой передраги невредимой. Но я не могу загадывать наперед, если не знаю, чего ждать.

– Как ты со мной поступишь? – спрашиваю я, рискнув задать откровенный вопрос в надежде получить мало-мальский намек на то, что меня ожидает.

На его губах появляется злобная и грозная улыбка.

– А я еще не говорил? Я верну тебя твоему пленителю, по которому ты так скучаешь. О, какое нас ждет воссоединение!

Без лишних слов командир разворачивается и оставляет меня смотреть ему вслед. Кровь в ушах стучит в такт его шагам.

Не ведаю, что он планирует для моего повелителя, но знаю, что в его намерениях нет ничего доброго. Мидас ждет прибытия своих наложников и фаворитки, а не марширующей к нему вражеской армии.

Я силком принуждаю себя выйти из кареты, мои ленты волочатся за спиной по снегу, меня переполняет обреченность от одного осознания. Я понимаю, что должна сделать. Нужно найти способ предостеречь моего царя.

Остается лишь надеяться, что это не будет стоить мне жизни.

Глава 4

Аурен

Можно подумать, что, пробив в пути несколько недель, я привыкла справлять нужду в отхожем месте, вырытом в земле. Но нет. Меня тяготит, что нужно задрать юбки и присесть на корточки на снегу.

Я стараюсь управиться как можно быстрее. Светлая сторона: мне удастся сделать это, не испачкав сапоги и не шлепнувшись плашмя на снег. Сейчас, в сущности, это уже небольшая победа.

На счастье, я заканчиваю раньше, чем подходит следующий желающий воспользоваться ямой, поэтому волноваться о том, что за мной наблюдают, не приходится. Набрав в ладошки немного пушистого снега, я обмываю им руки, а потом выпрямляюсь и провожу ладонями по мятым юбкам.

Теперь, когда моя самая острая потребность удовлетворена, я обхватываю себя руками, чтобы защититься от холода, который с легкостью проникает даже через шерстяное платье и пальто капитана пиратов.

Не торопясь, я задумчиво оглядываюсь по сторонам, но вижу лишь ту же самую картину, что лицезрела на протяжении нескольких дней: снег, лед и ничего кроме.

Кажется, что плоская равнина Пустоши бесконечна: вдалеке вырисовываются темные горы, а снежным заносам нет края.

Командир Рип прав. Я могу сбежать сию же минуту, и, возможно, мне удастся какое-то время скрываться от него и его солдат, но что будет со мной потом? У меня нет провианта, нет пристанища, я не умею ориентироваться на местности. Я бы замерзла там до смерти.

И все же пустой горизонт манит, горькое искушение насмехается надо мной своей открытой свободой. Это ложь, которая окутает меня своим холодом и разобьет мое хрупкое тело, как лед.

Сжав челюсти, я поворачиваюсь и ухожу, возвращаясь в лагерь. Солдатам быстро удалось его разбить. Ничего особенного, лишь палатки из грубой кожи, расставленные через несколько метров друг от друга, да усеивающие пространство костры, но даже так армия короля Рота будто не уворачивается от холода, будто не сдается под натиском суровой стихии.

Приблизившись к первым палаткам, я с опаской озираюсь, высматривая командира или кого-нибудь из его солдат, кто может выскользнуть из тени и попытаться причинить мне боль или силой увести в мой тент.

Но никто не появляется.

Я ни на миг не доверяю этой фальшивой свободе.

В полном одиночестве я блуждаю по территории, держа ухо востро. Наложниц или стражников Мидаса не видать, но разглядеть что-либо довольно сложно из-за большой численности армии.

Я устала и изнываю от боли, но заставляю себя еще немножко побродить, воспользоваться этими минутами наедине, потому что, вполне вероятно, такой возможности больше не представится.

Там, на пиратском судне, капитану Фейну направили почтового ястреба, предупреждая о готовящемся прибытии командира Рипа. А это значит, что у командира как минимум один ястреб, если не больше. Мне нужно их найти.

Идя мимо палаток и сгрудившихся вокруг костров, принимающих пищу солдат, я храню молчание, держу голову опущенной, но все подмечаю и выискиваю. Ленты

волочатся по снегу, оставляя за собой легкие как перышко следы.

От запаха еды голодный желудок недовольно урчит, но я не могу подчиниться голоду или оставшемуся без сил телу. Не сейчас.

Вряд ли ястребов держат в палатке, поэтому туда я не захожу. Если бы мне пришлось гадать, то я бы предположила, что животных перевозят в крытых повозках. Их-то я и ищу, хотя и пытаюсь делать вид, будто просто бесцельно прогуливаюсь. Это не трудно, учитывая, что у меня действительно нет цели и я не знаю, куда идти.

Вокруг меня слышны армейские звуки. Солдаты болтают, костры горят, лошади ржут. Я подпрыгиваю от каждого грубоватого смешка или искры потрескивающих влажных бревен, предполагая, что в любой момент меня кто-то схватит.

Пока я иду, солдаты наблюдают за мной. Я по-прежнему напряжена, но они только бросают в мою сторону подозрительные взгляды, а приближаться – не приближаются. Это неожиданно, приводит в замешательство, и я не знаю, что и думать.

Это игра такая у командира Рипа?

Когда мои сапоги промокают от ходьбы по слякоти и я начинаю дрожать от холода, то замечаю напротив, на окраине лагеря, несколько деревянных повозок, накрытых кожаной тканью.

Внутри все переворачивается, и мне хочется поскорее туда подойти, но я не осмеливаюсь. Не осмеливаюсь поторопиться.

Наоборот, я хожу по кругу, стараясь идти не спеша на подкашивающихся ногах, пытаюсь казаться робкой, а смотреть рассеянно.

Стараясь не вызвать подозрений, я иду к повозкам, и мне помогает спрятаться в тени крошечная темнота.

В тридцати футах горит костер, но вокруг него собралось всего четверо мужчин. Они увлечены беседой, вот только мне не слышно, о чем они говорят.

Я осторожно бреду вдоль повозок, заглядываю под кожаную ткань, пытаюсь действовать быстро, потому как не хочу оказаться пойманной.

Первые четыре повозки не накрыты, они пустые и от них пахнет кожей. Наверное, тут хранились палатки. Несколько следующих забиты тюками сена и бочонками с овсом для лошадей, а дальше я раз за разом натыкаюсь на повозки с провиантом для солдат.

Надежды уже почти и не осталось.

Приблизившись к последней, я вижу вольер квадратной формы. Это вольер для животных?

Прячусь за ним и молюсь всевышним Богам, чтобы чутье меня не подвело. Сделав глубокий вдох, оглядываюсь по сторонам, а потом откидываю ткань, но стоит мне это сделать, как всяческая надежда валится прямым к промокшим сапогам. Никакого вольера. Всего лишь повозка, наполненная плотно сложенными мехами.

Я поверженно смотрю на нее, однако все же пытаюсь сдерживать эмоции. Я понимаю, что жутко измотана и морально истощена, но от такой неудачи плечи мои поникают, а глаза начинают пощипывать от страха.

Где же они, черт возьми? Если не удастся предупредить Мидаса...

– Потерялась?

Услышав голос, я подскакиваю и, опустив ткань, оборачиваюсь. Поднимаю глаза выше и выше, и выше и вижу возвышающегося надо мной огромного мужчину.

Я тут же его узнаю, уже хотя бы по одной массивности его тела. Там, на пиратском судне, Рипа сопровождали два солдата, и, хотя тогда они были в шлемах, я знаю, что этот огромный мужчина был одним из них – он-то и увел меня и Риссу с корабля.

Сейчас, когда он без шлема и доспехов, я вижу его круглое лицо. Нижняя губа проколота коротким, скрученным куском дерева, имеющим сходство с символом Четвертого королевства – искривленным деревом. Крепкие бицепсы обхватывают ремешки из коричневой кожи, а остальные части тела затянuty в черную.

Он отчего-то кажется еще больше, на целых три головы выше меня: ноги шириной со ствол дерева и кулаки размером с мое лицо.

Прекрасно. Обнаружить меня должен был именно этот огромный ублюдок?

Если откровенно, не знаю, чем я так сильно разгневала богинь.

Я поднимаю голову, глядя на дикаря с каштановыми волосами, и внезапно радуюсь тому, что уже посетила отхожее место, поскольку этот мужчина имеет такой устрашающий вид, что любой бы наделал в замерзшие штаны.

Я прочищаю горло.

– Нет.

Он приподнимает густую бровь, в карих глазах видны недовольство и подозрение, длинные волосы висят вокруг лица и от шлема примяты на макушке.

– Нет? Тогда что ты здесь делаешь? Чего так далеко забрела от своей палатки?

Ему известно, где моя палатка? Настораживает...

Я поворачиваюсь и, стащив из стоящей за спиной повозки мех, накидываю его на плечи.

– Я замерзла.

Он бросает на меня взгляд, говорящий, что не верит ни одному моему слову.

– Замерзла? Тогда, возможно, золотому питомцу Мидаса пора удалиться в свою палатку.

Я плотнее закутываюсь в гладкий черный мех. Таких мужчин я знавала, они обычные хамы. Еще не хватало, чтобы он вытирал о меня ноги и сделал своей легкой добычей.

Я вскидываю подбородок.

– А мне нельзя даже пройтись? Меня будут удерживать здесь против воли? – провоцирую его я, потому что точно того же жду от него и хочу его опередить.

Его лицо становится еще смурнее, а мое сердце стучит гулко, словно хочет вырваться из груди и спрятаться. Ничего удивительного. Если бы этот мужчина захотел, то с легкостью сломал бы мне шею своими мясистыми руками.

Однако он скрещивает перед собой руки, но его устрашающая поза все равно на меня давит.

– Ходит слух, что именно такое обращение ты и ценишь, питомец.

Меня захлестывает гнев. Второй раз за сегодняшний вечер на меня смотрят так язвительно, судят за клетку, в которой я живу.

– Лучше жить в безопасности у Золотого царя, чем служить в армии твоего гнилого монарха, который всего лишь истощает землю, – проговариваю я со злостью.

Стоит ему услышать мои слова, как он тут же замирает в странной позе.

Я знаю, что совершила ошибку. Перешла все границы. Я позволила ему вывести меня из себя и от злости и страха не ведала, что несу. Лучше бы я обратилась в камень.

Вместо того чтобы дать отпор задире, я стала задирать его в ответ. Учитывая его вес, наверное, это был не самый мудрый поступок.

Я не обращала внимания на перешептывания у костра, но вдруг услышала, как затихли солдаты. В воздухе нарастает волнение, словно им не терпится увидеть, что он со мной сделает.

Пойманное в ловушку, мое сердце пускается вскачь от необходимости согнуться.

С непримиримой враждебностью во взгляде мужчина наклоняется, пока его лицо не оказывается в дюйме от моего. Глаза яростно пылают, выжигая воздух и не позволяя дышать.

Его голос становится низким, напоминая предостерегающий волчий рык, от которого стынет в жилах кровь.

– Еще раз оскорбишь моего короля, и я забуду, какого цвета у тебя кожа. Я буду сечь твою спину до тех пор, пока не услышу твои жалобные всхлипы.

Я судорожно глотаю подступивший к горлу ком.

Он говорит всерьез. Сомнений нет, потому что это видно в выражении его лица. Он тут же бросит меня в снег и сделает боль моей единственной реальностью.

Мужчина кивает и смотрит мне прямо в глаза.

– Хорошо. Теперь я вижу, что ты относишься к происходящему серьезно. – Он по-прежнему стоит слишком близко, по-прежнему лишает меня свободного пространства, воздуха. Невидимый пузырь лопается от его захватнического общества. – Ты больше не с этим золотым недоноском Мидасом. Сейчас ты здесь, поэтому на твоём месте я бы проявлял больше уважения и приносил бы больше пользы.

Я округляю глаза от зловещих слов, в которых сквозит явный намек, но он тут же сбивает меня с толку.

– Не в этом смысле. Никто тут не интересовал в позолоченных объедках Мидаса, – усмехается он, и я тут же с облегчением вздыхаю. Но зря. – Хочешь упростить себе жизнь? Тогда будь загнанной в клетку пташкой и спой.

Понимание озаряет меня, как желтое солнце.

- Думаешь, я выдам тебе информацию? Думаешь, я предам своего царя?

Он пожимает плечом.

- Если ты умная, то да.

Отвращение стучит во мне неистовой мелодией. Жестокий гигант что-то замечает в моих глазах и отстраняется, со вздохом выпрямившись в полный рост.

- Хм. А может и нет. Какая досада.

Я сжимаю руки в кулак.

- Я никогда не предам царя Мидаса ради вас.

На его губах появляется коварная улыбка.

- Посмотрим.

Стучащая мелодия скачет, стучит, бьет меня в самое нутро. Не знаю, должна ли я обижаться, что он считает меня такой слабой, или бояться, что действительно такой окажусь.

- Где остальные наложницы? - внезапно спрашиваю я, желая вести беседу самой и направлять ее в свою пользу. - Другие стражники?

Он ничего не говорит, высокомерие исходит от него как пар.

Я упираюсь пятками в землю.

- Если кто-то из вас причинит им...

Он поднимает руку, перебивая меня, и я замечаю на ладони старый шрам, проходящий вдоль нее прямым порезом.

– А вот сейчас осторожнее, – огрызается он. – Солдаты Четвертого королевства не очень-то жалуют угрозы.

Я резко перевожу взгляд налево. Остальные солдаты все так же сидят вокруг костра, все так же молча наблюдают, смотря прямо на меня. Локти их лежат на коленях, костяшки пальцев похрустывают, глаза сверкают. На их лицах – ненависть и оранжевые блики пламени.

Слова, что я собиралась произнести от лица нашей процессии, улетучиваются от этой очевидной угрозы. Возможно, это игра. Может, командир Рип специально оставил меня бродить в одиночестве, чтобы его солдаты наказали меня так, как им заблагорассудится.

Стоящий напротив мужчина весело хмыкает, и я отвожу взгляд от солдат.

– А теперь убирайся. Твоя палатка в той стороне. Полагаю, питомец Мидаса обучен искать свою конуру?

Я бросаю на него испепеляющий взгляд, и мужчина, развернувшись, уходит к костру, присоединяется к глазееющим на меня мужчинам.

Прижимая мех к груди, я отворачиваюсь, чувствуя спиной их взгляды, колкие, как лезвие, царапающее мне спину. Ухожу как можно быстрее, стараясь не сорваться на бег. Мне вслед раздается издевательский смех, от которого пылают щеки.

Я придерживаюсь следов, оставшихся на снегу от грубых ботинок, стараюсь не проваливаться на сильнее занесенных участках и выбираю путь покороче к своей карете и палатке – моей несомненной конуре.

Возможно, разыгралось мое воображение, но каждый солдат, мимо которого я прохожу, окидывает меня взглядом более тяжелым, более злобным. Меня ставят на место без лишнего слова, всего лишь одной их аурой, звучащей как заявление.

Я – враг, которого они настроены сломить. Может, стражи и не следуют за мной по пятам, но они наблюдают. Готовые атаковать. И все же никто этого не делает.

Я ни на кого не гляжу, не обращаю на них внимания, не даю слабинку, когда прохожу мимо них и замечаю, как незамедлительно стихают их беседы. Упрямо смотрю вперед, хотя все мое тело трепещет, а сердце несется галопом.

Меня не волнует, что они там думают. Я не предам Мидаса. Никогда.

С каждым шагом в этих холодных промокших сапогах я мысленно себя проклиная. Я не нашла, где держат ястребов, и так бросилась всем в глаза, что ко мне подошел солдат. Если хочу выжить среди армии Четвертого королевства, нужно быть лучше, умнее, незаметнее.

И сильнее. Мне нужно быть сильной в предстоящие дни.

В груди появляется непреодолимый гнев, и я сжимаю руки в кулаки в карманах своего пальто.

Завтра. Завтра я снова попытаю удачу. И на следующий день.

И после того дня. И еще после.

Я не сдамся, пока не разведу каждый уголок в лагере этого чертова войска и не найду способ предостеречь Мидаса. А до тех пор не сломаюсь. Я не дам им того, что они смогут использовать против моего правителя.

Командир такого низкого обо мне мнения, что даже не приставил охрану, поэтому я отплачу ему вдесятеро больше. Я воспользуюсь его самонадеянностью, чтобы лишить элемента внезапности, и сделаю это с улыбкой на золотых устах.

Они считают, что я прогнусь под них, но вскоре поймут, что я не из тех наложниц.

Глава 5

Аурен

На обратном пути, пытаюсь найти свою палатку, я заблудилась. В один момент я свернула в неверном направлении и пошла по кругу, прошмыгнув мимо одной и той же группы солдат дважды. Они посмеиваются и многозначительно переглядываются, но никто не предлагает мне помощи, а я отказываюсь о ней просить. Они не стали бы мне помогать, даже если бы я попросила.

Заметив наконец черную карету, в которой ехала целый день, я с облегчением вздыхаю. Зубы стучат от холода, да и лицо замерзло, несмотря на натянутый на голову капюшон.

Направившись к карете, я замечаю, что палатка, которой мне велел пользоваться командир Рип, стоит намного дальше от основной части лагеря. Тогда как остальные тесно примыкают друг к другу, моя палатка располагается на отшибе.

Я замираю напротив нее и оглядываюсь. Самая близкая к моей палатка – в нескольких ярдах. Кажется, было бы недурно иметь больше уединения, но меня пронизывает жуткий страх.

Есть только одна причина, почему моя палатка стоит так далеко. Так больше возможностей прокрасться сюда, навредить мне, пока никто ничего не видит и не слышит. Всем легче закрывать глаза и утверждать, что они находятся в полнейшем неведении.

С подступившим к горлу комом я делаю шаг вперед и только хмуро смотрю на землю. Кто-то вычистил тропинку прямо к порогу палатки, чтобы я не увязла в снегу.

Я снова оглядываюсь по сторонам, но никто за мной не наблюдает. Ближайший костер находится на приличном расстоянии, солдаты, окутанные тенью, не смотрят на меня.

Зачем кому-то вычищать дорожку, чтобы пленнице было проще дойти до своей тюрьмы? Быстро оглянувшись, понимаю, что к остальным палаткам отнеслись иначе: и дорожки к ним пролегают по плотному снегу только оттого, что по нему прошли сапогами.

Не в силах отделаться от беспокойства, я снова поворачиваюсь к палатке и ныряю под черные кожаные лоскуты. Внутри меня встречают мягкий свет и тепло, от которых мое тело с облегчением обмякает.

Скинув на пороге сапоги, я старательно отряхиваю их от снега, а после выпрямляюсь и осматриваюсь.

На перевернутом ведре рядом со мной стоит фонарь, но приятное тепло и яркий свет исходят от аккуратно разложенной посреди палатки кучки тлеющих углей. Они, лежащие в окружении почерневших камней, дают столько тепла, что у меня вырывается стон.

В одном углу покоится груда черного гладкого меха, в другом возвышается паллет, служащий кроватью.

Как и обещал командир, меня дожидается деревянный поднос с ужином, а возле миски даже стоит кувшин с водой и лежат крошечный кусочек мыла и полотенце.

Я оглядываю полы палатки, но завязать их нет возможности. Да и, положив руку на сердце, чем бы мне вообще помогла кожаная веревка? Если кто-нибудь захочет войти, его ничто не остановит.

Я задумчиво кусаю губу; не могу стоять здесь, слишком боюсь пошевелиться. Поэтому стаскиваю с плеч шкуру и кладу ее на землю, хотя на полу и без того лежит мех, застилающий снег. Я сажусь, поджав под себя ноги, и ставлю поднос на колени.

На нем виднеются ломоть хлеба и кусок соленого мяса, а еще миска какой-то похлебки. И хотя это скромный солдатский рацион, у меня текут слюнки и урчит в животе, словно еды вкуснее я в жизни не видела.

Я тут же принимаюсь жадно ее поглощать, съедая все до последней крошки, и залпом выпиваю чуть теплую похлебку. Еда комом оседает в пустом желудке, утолив голод, и мне в мгновение ока становится лучше.

Закончив, я облизываю пальцы и губы, желая добавки, но понимаю, что мне и так повезло получить такую большую порцию. Все в этой армии довольствуются своей нормой, и сомневаюсь, что кто-то благосклонно отнесется к тому, что их пленница попросит еду снова.

Я с жадностью глотаю из кисета ледяную питьевую воду, явно собранную из растаявшего снега. Мне все равно, что она настолько холодная, что ноют зубы – вода в считанные секунды утоляет надоевшую жажду.

Теперь, когда я сыта и напоена, меня манит мех, но я понимаю, что сначала нужно помыться. Возможно, мне только кажется, но все же я до сих пор чувствую запах капитана Фейна и хочу стереть эту вонь со своей кожи, как если бы могла стереть воспоминание о его шарящих по моему телу руках и времени, проведенном на его корабле.

Наверное, этому не способствует и то, что на мне по-прежнему пальто, которое я ukrала из его каюты, но я не могу от него избавиться. Надеть взамен мне нечего, а свое старое пальто я отдала Полли.

Стараясь не помять коричневые перья, я кладу пальто на пол и быстро снимаю шерстяное платье. Раздеваясь без помощи лент, я чувствую, будто лишилась конечности... или сразу двадцати четырех.

Платье падает, после чего я поднимаю ноги и снимаю толстые чулки. Оставшись в одной золотистой сорочке, я дрожу, несмотря на исходящее от тлеющих углей тепло. Мне нужно ускориться, поскольку я ни на секунду не доверяю этому уединению. Я быстро снимаю остальное дрожащими от холода и тревоги руками.

Оставшись обнаженной, впервые вижу нанесенные мне увечья. Как и предполагала, под ребрами, куда меня пнул капитан Фейн, виднеется огромный синяк.

Я глажу пальцами потускневшее пятно, и даже столь легкое прикосновение вынуждает меня зашипеть от боли. Выглядит хуже, чем я представляла: весь

левый бок черный и пятнистый, словно блеск моей кожи потускнел от втертой сажи.

Опустив руку, я бреду к кувшину и наливаю воду в неглубокую миску. Опускаю в нее тряпку, приготовившись к умыванию ледяной водой, но оказываюсь приятно удивлена тем, что угли ее даже подогрели.

Весь этот мех, уединенная палатка, тлеющие угли, провиант, вода, которая оказалась не настолько студеной, отсутствие стражи, которая кралась бы за мной по пятам, цепей, к которым бы меня приковали... Все это кажется взяткой, некой игрой, которую спланировал командир.

Этот мужчина не совершает не просчитанных заранее ходов. Возможно, он дает мне фальшивое ощущение безопасности, обманом предлагает расслабиться, смягчиться, но я не попадусь на его уловки. Однако извлеку из этого выгоду.

Насупившись, я быстро смачиваю кожу, вода мыльной водой по телу, а потом вытираю каждый дюйм, включая ленты.

Я провожу по руке тканью, остановившись на миг, когда замечаю красное пятно, испачкавшее полотенце. Я смотрю на него, понимая, что это кровь, кровь Сэйла.

Не знаю, почему я так потрясена. Несмотря на то, что я умылась на корабле, на мне должно было остаться немного крови. Я подхватила его, когда он умирал, держала его на руках, когда он испустил последний вздох.

При виде этой крови глаза наполняются слезами. Это последнее, что от него осталось. Единственное, что у меня есть. Может показаться странным, но это его жизнь. И я только что ее смыла, стерев Сэйла.

От желания расплакаться дрожат губы, вынуждая меня сцепить зубы и удержать всхлип. Сэйл мертв. Я больше никогда не увижу ту улыбку в голубых глазах, но всегда буду слышать сорвавшееся с его уст «все хорошо».

Это моя вина.

Укрывшись вуалью печали, я продолжаю омыwać тело. Перед глазами все расплывается, будто я прохожу сквозь туман. Как бы мне хотелось знать, где сейчас Дигби. Зная, что он рядом и присматривает за мной, спать было бы проще.

Я чувствую себя такой одинокой.

С телом я заканчиваю, но волосы мыть не собираюсь. Слишком тяжело в моем нынешнем состоянии справиться с длинными золотыми прядями и их бесконечными спутанными узлами без помощи лент. Завтра. Завтра я разберусь с этой незадачей.

Когда я вытираюсь досуха, кожа от икр до груди покрывается мурашками, и я встаю к углям как можно ближе, но так, чтобы не обжечься.

Я наклоняюсь, чтобы поднять сорочку, но в тот же самый момент полы палатки распахиваются.

Внутри врывается поток холодного воздуха, вызывающий озноб, но я замираю совсем по иной причине, поскольку в палатку входит командир Рип.

Глава 6

Аурен

Я не должна была так пугаться от его резкого появления, но из-за страха у меня подгибаются колени, перехватывает в горле дыхание и с мгновение я не могу пошевелиться.

Командир резко замирает на входе и, заметив мою наготу, таращит черные глаза.

Мое короткое оцепенение проходит, и я резко поднимаю с пола сорочку, держа ее перед собой.

– Что вам нужно? – требовательно спрашиваю я пронзительным голосом, но и без того знаю ответ. Разумеется, знаю, потому что этого хотят все мужчины. И почему его желания должны отличаться, только потому что он фейри?

Командир резко переводит взгляд на мое лицо. От раздражения у него подергивается мускул на подбородке. Не говоря ни слова, он разворачивается и выходит, чуть не задев полу изогнутым шипом между лопатками.

В потрясении я просто стою и смотрю на место, где он только что находился. На меня снисходят самые разные эмоции, как запахи в саду. Я смущена, сбита с толку, зла и уязвима. Слишком уязвима.

Почему он просто ушел?

Я быстро принимаюсь за дело и натягиваю дрожащими пальцами сорочку. Он ушел, но может вернуться.

Слышу снаружи шаги и чертыхаюсь, резко подняв оброненный мех и прижав его к груди. Даже в сорочке я чувствую себя обнаженной, а когда оглядываюсь в поисках оружия, меня охватывает ужас.

– Я захожу.

Услышав голос, я хмурюсь, потому как точно понимаю, что это не командир. Голос слишком высокий, слишком... дружелюбный.

В палатку заходит незнакомый мужчина и незамедлительно выпрямляется, когда за ним опускается пола. Первым делом я подмечаю, какой он худощавый.

Второе, что обращает на себя внимание, – левая половина его лица, изуродованная, как будто обгорела много лет назад и плохо зажила, и поэтому на коже остались рубцы и отметины.левой брови нет, веко опущено, а уголок губ почти не двигается.

Мужчине около сорока, у него тонкие каштановые волосы и смуглая кожа, а вместо кожаной формы, которую носят все солдаты, он одет в толстое черное пальто длиной до колен, подпоясанное на талии ремнем.

– Я Ходжат, – говорит он, в его голосе звучит южнооренский акцент, который я не слышала много лет. – Пришел вас осмотреть.

Я свожу брови, в голове кружат разные мысли, пока мужчина за мной наблюдает. Командир заметил меня голой и теперь отправляет своих мужчин, чтобы и те поглазели?

Я каменею и сжимаю пальцами мех, а в горле застревает крик.

– Убирайтесь.

Ходжат недоуменно смотрит, запрокинув голову, когда слышит злобу в моем голосе.

– Простите, что? Но командир разрешил мне вас осмотреть.

От жуткой ярости я застываю на месте.

– Неужели? Ну а я не разрешаю вам смотреть на меня, что бы там ни сказал ваш командир. Так что можете разворачиваться и уходить. Сию же минуту.

Ходжат выглядит изумленным.

– Но я... нет, миледи, я – лекарь.

Теперь сконфуженной выгляжу я. Я снова обвожу мужчину взглядом и впервые замечаю, что он держит сумку, а на обоих рукавах в районе плеч вышиты красные полосы. Привычный знак для армейского целителя в Орее.

– Ой, – произношу я, гнев тут же тухнет. – Извините. Я подумала... да забудьте. Почему же командир вас прислал?

Он кивает на мою разбитую губу и щеку, где, вероятно, расплылся огромный синяк.

– Думаю, причину я вижу, миледи.

Меня удивляет формальность, с которой он обращается. Я скорее ждала, что армейский целитель окажется грубияном, тем более учитывая, в какой армии он служит.

– Я в порядке. Заживет.

Его не смущает мой снисходительный тон.

– И все же мне нужно вас осмотреть.

Я поджимаю губы.

– Дайте угадаю: потому что вам командир приказал.

Один уголок его губ приподнимается в улыбке, тогда как покрытый шрамом остается на месте.

– Вы быстро схватываете, миледи.

– В основном просто болит и ноет. И вы можете звать меня Аурен.

Он кивает и ставит сумку.

– Позвольте все же взглянуть, леди Аурен.

Я хмыкаю, отчасти развеселившись от обращения, которым он продолжает пользоваться, отчасти от раздражения.

– Бывало и хуже, если откровенно.

– Вряд ли такое приятно слышать лекарю, – бормочет под нос Ходжат и, встав рядом, осматривает меня. По счастью, взгляд у него беспристрастный, в нем нет ничего зловещего или отпугивающего. – Откуда у вас это? – спрашивает он, показав на мою щеку.

Я отвожу взгляд в сторону.

- Меня ударили.

- Хм. Когда говорите или жуετε, больно?

- Нет.

- Хорошо. - Карие глаза смотрят на мою опухшую губу, хотя я чувствую, что рана там уже затягивается.

- А здесь болит? Вам не выбили зуб?

- К счастью, нет.

- Ладно, ладно, ладно, - произносит он. - Есть ли еще у вас раны?

Я мнусь.

- Я упала на камень. Думаю, ударилась плечом, но не могу посмотреть, чтобы узнать наверняка.

Ходжат что-то бурчит себе под нос и подходит ко мне сбоку, но я мешкаю.

- Э-э-э, только взгляните. Не трогайте.

Он замирает, но кивает и остается на месте. Не сводя с него взгляда, я опускаю воротник рубашки и обнажаю плечо. Он наклоняется поближе, но, хвала богам, не порывается прикоснуться.

- Да, здесь небольшая рана. У меня тут кое-что есть.

Он подходит к своей сумке и, порывшись в ней, извлекает какой-то раствор. Я, смущенно переминаясь, смотрю, как он переворачивает стеклянный флакон, смачивая уголок салфетки, берет еще одну склянку и возвращается ко мне.

Ходжат протягивает руку, чтобы приложить салфетку к моей коже, но я непроизвольно отпрыгиваю. Выпучив глаза, он замирает.

- Простите, миледи, я забыл.

Я прокашливаюсь.

- Все хорошо. Я сама.

Он протягивает мне салфетку, и я беру ее, прижав смоченную ткань к ране. Тут же начинает щипать, и Ходжат, услышав, как я втягиваю воздух, наклоняет голову.

- Немного поболит, но очистит рану.

- Спасибо, что предупредили, - сухо отвечаю я.

Я заканчиваю обрабатывать рану и, увидев кивок, возвращаю ткань ему.

- Пусть немного высохнет для начала, - дает он наказ.

- Хорошо.

Ходжат поворачивается, чтобы убрать салфетку, но случайно наступает на мои ленты. Я громко охаю, когда он нечаянно тянет за них и мнет сапогами и без того воспаленные отрезки.

Увидев на моем лице гримасу, он тут же отпрыгивает назад.

- О, прошу прощения, миледи. Я... - Опустив взгляд, он замечает, на что наступил, и резко смолкает. - Что... что это?

Я хватаю ленты и прячу их за спину.

- Это всего лишь ленты на моей рубашке.

Выражение его лица подсказывает, что он ни капли мне не верит, да и, откровенно говоря, правильно делает, потому что они слишком широкие и длинные для завязок.

Под его взглядом я застываю, поскольку он явно заметил, что ленты выглядывают из-под рубашки. Я немедленно закутываюсь в меха, чтобы прикрыть спину, но понимаю, что уже слишком поздно.

- Это все? - спрашиваю я, надеясь, что уже могу от него избавиться.

Ходжат прочищает горло и резко отводит взгляд в сторону.

- Э, нет. Командир упомянул, что у вас еще задеты ребра.

Я качаю головой.

- Все нормально, они...

- Боюсь, я вынужден настаивать. Приказ командира.

Я стискиваю зубы.

- Боюсь, и я вынуждена настоять. Я сказала, что все нормально, и это мое тело.

Чтобы открыть взору целителя свои ребра, мне придется задрать рубашку выше дозволенного либо вовсе ее снять, и так я буду еще уязвимее, чем сейчас. Он увидит мое тело и ленты, а этого я позволить не могу даже лекарю.

Хватает уже того, что ко мне внезапно зашел командир.

Лицо Ходжата становится добрее.

- Вам нечего бояться, леди Аурен. Просто разденьтесь, лягте на паллет, и я управлюсь быстро...

Сердце сжимается.

– Нет.

«Просто ляг на койку, девочка. Это будет быстро».

Возникший в памяти голос хриплый, жесткий. Я прекрасно и четко его помню и теперь покрываюсь потом. Я почти улавливаю запах мокрого пшеничного поля, земли, напитанной навозом.

Внутри у меня все сводит.

Сегодня я слишком долго позволяла себе упиваться собственным горем, вскрыла слишком много ран. Мое сознание уязвимо и с легкостью выпускает то, что я давно похоронила в памяти.

Прерывисто вздохнув, я с силой прячу эти обрывки воспоминаний.

– Сейчас я хотела бы отдохнуть, Ходжат.

Лекарь словно хочет возразить, но вместо этого просто качает головой, смиренно вздохнув.

Накажет ли его командир? Накажет ли меня?

– Что ж, хорошо, – говорит Ходжат.

Напряжение в плечах чуть ослабеваешь, когда он отворачивается. Я вижу, как Ходжат опять копается в своей сумке, потом наклоняется перед полами палатки, собирает немного снега и, сложив его в небольшую тряпку, завязывает уголки.

Я уже собираюсь спросить, что делает Ходжат, когда он подходит ко мне с завязанным свертком и еще одной склянкой и протягивает их мне.

– Холодный компресс и немного руксрота. Поможет снять боль и уснуть.

Я киваю и забираю их. Снимаю пробку с небольшого пузырька и выливаю содержимое в рот. Стоит ему попасть на язык, как я начинаю кашлять и почти

давлюсь. Горький вкус и крепость такие противные, что слезятся глаза. Я с трудом проглатываю настойку.

– Боги, а это что такое? – выдавливаю я. – Я много раз принимала корень, но таким он на вкус никогда не был.

Ходжат робко на меня смотрит и забирает пустую склянку.

– Извините, миледи. Забыл вас предупредить. Я смешиваю все свои лекарства с генадом.

Не веря своим ушам, я таращусь на него. Горло пульсирует, словно до сих пор пытаюсь подавить жжение.

– Вы добавляете в свои лекарственные снадобья самый сильный алкоголь во всей Орее? – спрашиваю я.

Улыбаясь, он пожимает плечами.

– А вы чего ждали? Я ведь армейский лекарь. Чаще мне приходится лечить обозленных солдат, только вернувшихся с поля боя. Поверьте, в таких случаях чем больше алкоголя, тем лучше. Он помогает унять боль от самых страшных ран и снимает плохое настроение, – подмигнув здоровым глазом, отвечает Ходжат.

Я вытираю рот накинутым на плечо мехом.

– Фу, я предпочитаю вино.

Он смеется и показывает на связку со снегом, которую я держу другой рукой.

– Вечером приложите снег к щеке и губе. Отек немного спадет.

Я киваю.

– Спасибо.

– Отдыхайте, миледи, – Ходжат поднимает сумку и выходит, снова оставив меня одну.

Дождаясь, когда примочка на плече высохнет до конца, я убираю поднос с едой, а потом осматриваю свое платье и стараюсь счистить кровь, после чего вешаю его на один из столбов, чтобы оно высохло.

Я допиваю воду, чтобы перебить жуткий вкус настойки, но это не сильно помогает. Надеюсь, Ходжат подмешал сюда только один дополнительный ингредиент.

Наверное, мне не стоит так безоговорочно доверять Ходжату, но я испытала слишком большое облегчение, когда он предложил мне обезболивающее, о котором я даже помыслить не смела. Лекарь не похож на того, кто мог бы подсунуть мне яд, но я никого из армии Четвертого королевства не должна сбрасывать со счетов.

Чувствуя, что вот-вот рухну от усталости, я раскладываю на паллете меха и почти падаю на временную кровать, осторожно расправляя ленты, чтобы ночью они не спутались под ногами.

Я накрываюсь с головы до ног тяжелыми мехами, а еще одну шкуру подкладываю валиком под голову. Устроившись, беру холодный компресс и прикладываю к щеке.

Вскоре тело согревается под толстым мехом, и я вздыхаю, чувствуя, как на меня начинает действовать руксрот.

Но стоило закрыть уставшие глаза, как палатка снова распахнулась и внутрь задул свежий снег. Я резко открываю глаза и вижу прокравшегося ко мне командира, за которым смыкаются полы.

И кажется мне, что на сей раз он не уйдет.

Аурен

Все мое тело сковывает. Стоило понять, что так легко я не выкручусь. Может, Рип отправил сюда своего лекаря, чтобы тот меня осмотрел и убедился, что я здорова, и командир смог делать со мной все, что захочет.

По горлу поднимается желчь, обжигая язык, я неподвижно сижу на паллете.

- Что ты делаешь? - спрашиваю я с едким страхом в голосе.

Но командир не собирается мне отвечать. Он неслышно ступает в другой конец палатки, к еще одной груди меха.

Я лежу, не дыша, и крепко стискиваю свои накидки, изо всех сил цепляюсь за мех, а командир наклоняется и принимается снимать сапоги. Когда я вижу, как он поочередно их стаскивает, у меня перехватывает дыхание. С глухим стуком, похожим на тяжелый гул у меня в груди, сапоги падают на пол.

Ничего не могу с собой поделаться и все это время думаю, какие части моего обнаженного тела он, вероятно, увидел, когда вломился сюда.

Затем его пальцы тянутся к нагрудной пластине, черный металл сползает после нескольких грубых рывков за привязанные с каждой стороны петли. Он откладывает пластину в сторону, а потом развязывает скрещенные на груди ремни из коричневой кожи, и в ту же секунду шипы на его руках и спине начинают втягиваться. Они медленно погружаются под кожу, поочередно исчезая из вида, а как только пропадают, командир стягивает куртку и вешает ее на столбик палатки.

Казалось бы, оставшись в брюках и простой тунике с длинными рукавами, Рип не будет выглядеть таким грозным, но это не так. Круглые дырки в рукавах напоминают, что скрывается под одеждой.

Я начинаю дрожать всем телом, когда Рип вытаскивает кромку туники из штанов.

И с такой силой кусаю нижнюю губу, что почти рву ее. Нет. Этого не может произойти. Нет, нет, нет.

Какая же я глупая. Почему я потеряла бдительность? С чего вдруг решила, что этого не произойдет?

Может, в настойку, которую дал мне Ходжат, что-то подсыпали, чтобы меня одурманить? Наверное, это был даже не руксрот. С чего вдруг лекаря армии Четвертого королевства будет волновать, что мне больно? Меня здесь держат только в качестве провокации, выкупа, угрозы Мидасу.

Я сейчас уязвима как никогда раньше. Я пережила непростые ночь и день, ранена, измучена, теперь одурманена, да еще и осталась наедине с самым грозным в мире главнокомандующим.

Гнев с силой растет внутри меня. Я злюсь на командира за то, какой он гнусный тип. Злюсь на Ходжата, который обманом внушил мне ощущение спокойствия. Злюсь на Красных бандитов, напавших на меня и захвативших в плен.

Но еще сильнее злюсь на себя за то, что всегда оказываюсь в подобных ситуациях.

Когда командир Рип делает несколько шагов ко мне, я резко сажусь и забираюсь на паллет как можно дальше, стараясь не порвать палатку за спиной.

– Стой на месте! Не приближайся!

Рип останавливается, в слабом свете чешуйки на его щеках поблескивают. Заметив мою позу и выражение лица, он принимает угрюмый вид.

Из горла готов вырваться крик, однако сомневаюсь, что криками я себе помогу.

Но и молчать я не стану.

Командир снова шагает вперед, и я готова разразиться воплями... но он направляется не ко мне.

Нет, он берет металлическую крышку, которую я не заметила, и кладет ее на угли.

Не смея вдохнуть, я слежу за тем, как он поднимает свои сапоги и доспехи, аккуратно ставит их возле камней. Командир идет к фонарю, убавляет пламя, пока оно не гаснет, погружая все в мерцающую темноту. Единственный оставшийся в палатке свет исходит из отверстия в крышке, под которой продолжают тлеть раскаленные угли.

Сцепив зубы так крепко, что сводит челюсти, я напряженно сижу, готовая в любую секунду убежать, но командир не подходит ко мне.

Я щурюсь в темноте, чувствуя дрожь во всем теле, но мужчина разворачивается и бредет к другой груде меха, лежащей в углу палатки.

Когда он откидывает меха и ложится, накрывшись ими, я понимаю, что это не просто дополнительная куча мехов – это еще один паллет для сна.

Я впадаю в ступор.

Что? Что?

Я замираю, мое сердце начинает безудержно биться в груди, как будто я рыба, которую только что сняли с крючка и выпустили в воду, вернув в безопасную гавань.

Я с недоумением смотрю на лежащую в тени фигуру. Рип не будет брать меня силой. Он даже не приблизился.

Он просто... лежит на втором паллете. И вдруг я замечаю, что тот очень длинный и подлажен под его рост.

– Это уловка? – задыхаясь, выпаливаю я дрожащим голосом. Я по-прежнему сжимаю в руке узелок со снегом, да так сильно, что ногтями едва не прорываю ткань. Тут же его отпускаю и роняю на пол.

Командир молчит, поправляя меха так, чтобы устроиться поудобнее, и я понимаю то, что должна была осознать раньше.

Почему в палатке столько удобств, почему она стоит дальше остальных, почему здесь столько меховых шкур, и даже пол ими устлан. Для палатки пленницы никто бы так не старался. Но совсем другое дело, если бы пленнице пришлось делить палатку с командиром.

У меня перехватывает дыхание.

- Так это твоя палатка.

Рип лежит на спине, а значит, его шипы все так же спрятаны.

- Разумеется, эта палатка моя, - отвечает командир.

- Зачем? Зачем ты привел меня сюда? - спрашиваю я, продолжая сидеть, согнув колени и кутаясь в меха.

Командир резко поворачивает голову и смотрит на меня.

- А ты предпочитаешь спать на снегу?

- Разве я не должна быть с остальными пленными? С наложницами и стражниками?

- Я бы предпочел за тобой приглядывать.

Я настораживаюсь.

- Почему?

Когда он не дает ответа, я щурюсь, смотря на лежащий в тени силуэт.

- Ты держишь меня здесь, чтобы твои омерзительные мужчины не надругались надо мной посреди ночи без твоего разрешения?

Я вижу, как он напрягается. Вижу, но еще сильнее это ощущаю. В воздухе так и парит его раздражение.

Опираясь на локоть, он медленно привстает и с гневом, жертвой которого я не хочу становиться, пристально на меня смотрит.

– Я безоговорочно доверяю своим солдатам, – выпаливает он. – Они тебя не тронут. Это тебе я не доверяю. Поэтому ты спишь здесь, в моей палатке. Твоя верность Золотому царю говорит о твоей личности, и я не позволю своим солдатам испытывать на себе бремя твоих козней.

От шока у меня открывается рот.

Он держит меня здесь, чтобы я не навредила им? Эта мысль так нелепа, что почти абсурдна. Но он такого низкого обо мне мнения...

Меня никоим образом не должно это волновать. Но его слова задевают. Этот мужчина, который лжет о своей истинной сущности, который командует жестокой, варварской армией, осмеливается смотреть на меня свысока? Ради всего святого, он известен как командир Рип. Он отрывает головы своим недругам и оставляет их истекать кровью, а его король бросает после себя гнилые трупы павших солдат.

– Я не хочу быть тут с тобой, – цежу сквозь зубы.

Он снова ложится, словно его и вовсе это не волнует.

– Пленникам не положено выбирать место для ночлега. Будь благодарна, что у тебя есть хотя бы это.

Его слова снова приводят меня в бешенство, и я пытаюсь разгадать подтекст.

– И что ты хочешь этим сказать? Где остальные наложницы? Стражники?

Он не отвечает мне. Подонок просто закрывает глаза рукой, будто уже готов ко сну.

– Я задала тебе вопрос, командир.

– А я предпочту на него не отвечать, – парирует он, даже не сдвинув руку. – А теперь молчи и спи. Или тебе нужен кляп, чтобы пропало желание болтать?

Я недовольно поджимаю губы. Он такой жуткий, что вполне может исполнить свою угрозу, поэтому вместо того, чтобы всю ночь спать с кляпом во рту, я молча ложусь обратно.

Несмотря на то, что от настойки меня клонит в сон, я больше часа сижу, прислонившись спиной к палатке и наблюдая за командиром. Просто на случай, если это какая-то уловка, просто на случай, если он вдруг захочет напасть, когда я засну и окажусь в самом уязвимом положении.

Но чем дольше я пытаюсь бодрствовать, тем тяжелее становятся мои веки.

От каждого движения глаза щиплет, веки наливаются свинцом, но я снова и снова заставляю себя их не закрывать.

Но вскоре проигрываю битву, и меня начинает одолевать сон из-за алкоголя вкупе с обезболивающим. Наконец я поддаюсь охватившей меня усталости и забываюсь сном в палатке своего врага.

Глава 8

Аурен

– Пойдем, Аурен.

Я оглядываюсь на Мидаса, на его протянутую руку. Для большинства такой незатейливый жест, а для меня – целое событие.

Мне понадобилось время, чтобы с готовностью принять его руку. Прежде, когда он так делал, меня била нервная дрожь.

Но он был со мной так терпелив, так добр. Я не знала такой доброты с раннего детства – когда еще жила вместе с родителями в нашем безопасном доме.

Я беру Мидаса за руку и с тоской гляжу на горящий в нескольких ярдах костер, на собравшихся вокруг него на траве кочевников, на сверкающий за ними пруд.

Как правило, мы с Мидасом странствуем одни, но скоро нам предстоит пересечь границы Второго королевства, а там всегда больше странников. Уже несколько дней нога в ногу с нами бредут кочевники, и они возбуждают мое любопытство.

– Разве нам нельзя разделить с ними огонь? – спрашиваю я, когда Мидас начинает тянуть меня за собой. Ночь такая приятная, веет легкий ветерок, а черное как смоль небо усыпано звездной пылью.

– Нет, Драгоценная.

У меня каждый раз душа замирает от этого прозвища. И переполняет вновь обретенное счастье от того, что мужчина, да еще и такой красивый, называет меня драгоценной.

Я все время думаю, что и этого счастья меня лишат, что он уйдет, но Мидас говорит, что я не должна о таком тревожиться.

Он увлекает меня к нашему небольшому костру, и я устраиваюсь подле него. Прижимаюсь бедром к его ноге, поскольку тоскую по телесному контакту. Теперь, когда меня трогают без намерений причинить боль, я не могу насытиться этими прикосновениями.

– Почему? – с любопытством спрашиваю я. Мидас такой дружелюбный и обаятельный. Меня удивляет, что его, похоже, не интересует общество других людей.

Он отпускает мою руку, чтобы взять поджаренное им мясо, и отламывает мне кусок побольше. Я улыбаюсь, принимая его, и с удовольствием кусаю.

– Потому что лучше нам держаться особняком, – терпеливо поясняет Мидас, очищая мясо от костей и поедая его. – Аурен, людям доверять нельзя.

Я смотрю на него, задаваясь вопросом, не усвоил ли он этот урок на собственном горьком опыте, как я. Вот только мы оба не любим обсуждать наше прошлое, и я рада, что он меня не подстрекает. Здесь и сейчас мы оба счастливы.

– Я думала, было бы неплохо примкнуть к чьему-нибудь обществу, – тихонько признаюсь я и, слизывая с пальцев жир, доедаю свой кусок. – Мы уже пару месяцев странствуем только вдвоем. Подумалось, я тебе могу наскучить, – подтруниваю я, но за моей шуткой всегда прячется вопрос, всегда скрывается легкая неуверенность в себе.

Я до сих пор не понимаю, почему такой, как Мидас, волнуется за такую, как я.

Мидас поворачивается, чтобы взглянуть на меня. В его глазах сияет оранжевое марево пламени, отчего в них искрится тепло. Он протягивает руку и ласкает большим пальцем мою щеку.

– Аурен, ты никогда мне не наскучишь. Ты идеальна.

У меня перехватывает дыхание.

– Ты считаешь меня идеальной?

Он наклоняется ко мне и целует, и я напрочь забываю, что наши губы испачканы едой и от моих волос пахнет дымом от костра. Мидас считает меня идеальной. Он спас меня и никогда не потеряет ко мне интерес, а еще находит меня настолько идеальной, что целует.

Я и не догадывалась, что когда-нибудь испытаю подобное счастье.

Отстранившись, Мидас проводит ласковым пламенным взглядом по моему лицу, в его глазах читается обожание.

– Забудь о том, что наскучишь или что ты не дорога мне. Ты ведь моя позолоченная девочка, верно?

Я робко киваю и облизываю губы, пробую сладость его поцелуя. Он до сих пор кажется таким новым, таким хрупким. Сердце переполняют чувства, и я боюсь, что однажды оно может не выдержать.

– Почему я, Мидас? – тихий вопрос срывается с губ и повисает в воздухе.

С тех пор, как Мидас забрал меня из сиротливой нищеты, из переулка, откуда некуда было податься и не к кому пойти, этот вопрос неделями, месяцами крутился у меня в голове.

Возможно, я наконец произнесла его вслух, потому что Мидас вдохнул в меня частичку своей бескрайней уверенности. Или, быть может, я чувствую себя смелее, когда скрыта ночной завесой.

Думаю, некоторые вопросы невозможно задать при свете дня. В темноте легче промолвить нерешительную фразу и испуганно спросить. Во всяком случае, тогда можно скрыть вопросы во мраке и там же самому спрятаться от них.

Я жду ответа, дергая траву пальцами, выщипывая стебельки, просто чтобы чем-то занять руки.

Мидас берет меня за подбородок, чтобы я на него взглянула.

– О чем ты?

Я застенчиво пожимаю плечами.

– После того, как избавился от бандитов, ты мог забрать в той деревне кого угодно. Многие там плакали и были напуганы, – произношу я, опустив взгляд на воротник его золотой туники, где под ослабевшей шнуровкой виднелась загорелая кожа. – Почему я? Почему ты зашел в тот переулок и решил забрать меня с собой?

Мидас протягивает руку и сажает меня себе на колени. От прикосновения в животе все сжимается – это самопроизвольный отклик, возникший из страха перед чужим касанием и из удивления, что оно мне нравится. Достаточно стихнуть первоначальной тревоге, и я уже льну к Мидасу, положив голову ему

на грудь.

– Это всегда была ты, – тихо отвечает он. – Стоило мне увидеть твоё лицо, и я тут же сложил оружие перед тобой, Аурен. – Он берет мою руку и кладет её себе на грудь. Я ощущаю, как бьётся под моими пальцами ритм его жизни, оно словно поёт песню только для меня. – Слышишь? Мое сердце твоё, Драгоценная. Навсегда.

Мои губы растягиваются в улыбке, и я прижимаюсь лицом к его шее, уткнувшись носом в отбивающий стаккато пульс. Я чувствую такую легкость и счастье, что удивляюсь, почему не парю в воздухе и не сверкаю вместе со звездами.

Мидас целует мои волосы.

– Давай-ка ложиться, – шепчет он и щелкает пальцем по моему носу. – Нам нельзя проспать.

Я киваю, но вместо того, чтобы спустить меня на землю, Мидас на руках несёт меня к палатке и, пригнув голову, заходит в неё. Там он бережно укладывает меня на свернутое одеяло, и я, прижавшись к нему, засыпаю в его объятиях.

Толком и не знаю, что именно меня пробудило.

Возможно, звук. Возможно, чутьё.

Я сажусь в темноте и замечаю, что из нашей палатки пропало оранжевое марево, а это значит, что огонь погас примерно несколько часов назад.

Мидас рядом спит, из его приоткрытого рта доносится тихий храп. Я улыбаюсь, потому что подобное детское сопение придает ему некое очарование, невинную ранимость, и я единственная, кто знает об этом секрете.

Я оглядываюсь, склонив голову и прислушиваясь к тихой ночи, а сама любопытствую, что могло вырвать меня из такого глубокого сна.

Но ничего не слышу. Скоро, вероятно, наступит рассвет, поэтому я решаю тихонько выскользнуть наружу и умыться перед отправлением в путь.

Выйдя из палатки, я прохожу мимо обугленной и усеянной пеплом ямы, оставшейся от нашего костра, и вытягиваю руки над головой, оглядывая залитые лунным светом окрестности. Все вокруг так же, как было, ничего необычного, только от пруда разносится тихий стрекот сверчков.

Туда я и иду, желая искупаться одна, пока есть такая возможность. Босые ноги утопают в мягкой траве, пока я бреду к водоему. Открытая равнина кое-где усеяна деревьями, и я вижу вдалеке тени палаток кочевников, но в лагере довольно тихо, а значит, все еще спят.

Добравшись до пруда, я принимаюсь раздеваться и пробую воду пальчиками ног. Прохладная, но терпимо. Я только разок окунусь, пока не взошло солнце.

Начинаю развязывать золотые тесемки на воротнике, как вдруг чья-то рука закрывает мне рот.

У меня вырывается испуганный крик, который приглушает чужая ладонь. Этот человек другой рукой хватает меня за горло, отчего я начинаю задыхаться.

– Бери ее одежду, – раздается рядом с ухом грубый мужской голос.

Мои глаза становятся круглыми, как блюдца, когда я чувствую, как натягивают мою тунику, так что ткань до боли впивается в кожу.

В панике и исступлении я понимаю, что их трое: две женщины и мужчина, который держит меня сзади.

Нет, женщин не две. Одна из них – еще девочка, примерно моего возраста. Я ее узнаю. Эта семья примыкает к странствующим кочевникам.

Я сопротивляюсь, пытаюсь брыкаться, но мужчина перехватывает меня еще крепче, и дышать становится труднее.

– Замри, и это пойдет тебе на пользу, – низким голосом говорит он мне на ухо.

Женщина, пытающаяся сорвать с меня рубашку, оглядывается через плечо.

- Передай мне нож, - шипит она дочери.

Девочка, по всей видимости, стоит на страже, но бросается вперед, передавая матери карманный нож, и я вижу блики металла. Пытаюсь умоляюще взглянуть на нее, но девочка даже не смотрит в мою сторону.

Силюсь оттолкнуть мужчину и оторвать его руку от своей шеи. Порываюсь закричать сквозь прижимающиеся ко рту мужские пальцы, скрежещу зубами, намереваясь его укусить, но он лишь запихивает пальцы мне в рот и зажимает ими язык, так что я начинаю давиться.

В следующее мгновение слышу треск, а потом живот пронзает острая боль. Я кричу, когда с моего тела срезают рубашку, а следом за ней и длинную юбку вместе с чулками.

- Быстрее! Отдай мне нож! - шикает мужчина.

Я умру. Он перережет мне горло, а в голове только одна мысль: Мидас был прав.

Людям нельзя доверять.

Мужчина зажимает в руке мои волосы, к счастью, отпустив шею и рот, но я глотаю столь необходимый воздух, и мне не хватает дыхания, чтобы еще и кричать. Горло так болит, что вряд ли я вообще сумею издать хотя бы звук.

Он тянет меня за волосы, подвергая жутким мучениям, и выворачивает шею в сторону, а потом раздается жуткий скрежет, когда мужчина начинает резать мои густые золотистые локоны.

Меня, голую, швыряют вперед, кожа головы горит, а вся шея в синяках.

Когда срезают последнюю прядь, тело не выдерживает, и я безвольно падаю на землю, как брошенное на пол грязное белье. Я не могу встать, я в таком потрясении, что даже дышать не в состоянии.

Если они что-то и говорят мне, то я не слышу. Знаю лишь, что их шаги стихают, унося с собой грозные тени, а потом я остаюсь одна, свернувшись калачиком на

краю пруда. Одна нога по щиколотку в холодной воде, а остальная часть тела утопает в траве, но я ничего не чувствую.

Не знаю, сколько я тут лежу, но мне страшно даже пошевелиться. Страшно встать и найти Мидаса. Я боюсь всего.

Но Мидас отыскивает меня. Совсем как тогда, в том переулке, он находит меня брошенной на земле под внимающей луной.

Я слышу, как он кричит мое имя, слышу, как он ругается. Затем он заключает меня в объятия и поднимает с земли, на которую капают мои слезы.

Я плачу, уткнувшись в его золотистую тунику; мои слезы падают ему на грудь – грудь, в которой все еще раздаётся биение, из которой продолжает литься для меня песнь.

Чувствую, как царапают щеки колючие, ломаные концы волос. Чувствую порез на животе, куда вонзился в кожу грязный клинок. Но сильнее всего я чувствую страх.

Мидас печется обо мне и ничего не говорит, хотя я знаю, что сейчас, должно быть, выгляжу омерзительно, а он злится, что я оставила палатку без его ведома. Он просто смывает с моей кожи зеленые пятна, очищает порез на животе и целует мокрые щеки.

Тем временем его прежние заявления становятся моей мантрой, которая ожесточает сердце, подкрепляет мои страхи, усиливает желание скрыться навсегда от этого мира.

Людям нельзя доверять.

Единственный человек, которому я могу доверять, – это он.

И я даю себе зарок, что отныне и впредь буду верить ему одному. Всегда буду во всем ему доверять, потому как он знает, что для меня лучше. Он всегда прав.

С меня хватит мерзости этого мира, и я хочу, чтобы он уберег меня от него.

От всего.

Глава 9

Аурен

Меня будит легкое прикосновение шелковистых кончиков к припухшей щеке.

Открыв глаза, я вижу, как мои ленты вытягиваются, свиваются, медленно вокруг меня оборачиваются, словно проверяя, насколько они еще чувствительны. Я улыбаюсь их мягкому золотому свечению и тут же замечаю, что они выглядят и чувствуют себя гораздо лучше. На самом деле я могу ими двигать, даже не поморщившись.

Я осторожно сажусь, придерживая меха, потому что предрассветный утренний холод пронизывает до самых костей. Угли давно превратились в остывший пепел, и в палатке стало темно. Я вижу растянувшегося на мехах и скрытого в тени командира, который дышит тихо и ровно.

Неудивительно, что командир еще спит, ведь солнце пока не взошло. Но во время сна, без этой гнетущей силы, без сурового оскала... он кажется другим. Не таким грозным.

Ловлю себя на том, что рассматриваю его, изучаю ровные черты лица. Любопытно, какими бы оказались на ощупь серебристые чешуйки на его скулах, если бы я к ним притронулась? Интересно, больно ли ему так надолго прятать шипы под кожей или же он этого вообще не чувствует?

Но больше всего меня волнует, какая магическая сила течет по его венам. Его могущество безгранично и безжалостно. Я это чувствую.

Похоже, его сила и есть та причина, почему король Ревингер орудует им как молотом. Да где вообще нашел его король? Как ему удастся скрывать правду от подданных?

Неужели люди настолько довольствуются своим невежеством, что верят каждой лжи, которой он их пичкает, несмотря на правду, что они видят перед глазами? А может, дело не в невежестве. Может, причина всего лишь... в страхе. Они даже не хотят думать об ином выборе. Ведь это добавило бы им тревог, стало бы трудно засыпать по ночам.

Быть может, невежество не порок, а отсрочка. А отсрочка невежества – то, что я неоднократно делала и сама.

Командир Рип издает во сне низкий и рокочущий звук, похожий на далекое землетрясение, движение плит, которые я почти ощущаю под нетвердыми ногами.

Вчера вечером он ко мне не притронулся.

Даже пока я, выбившись из сил, спала, он ни разу не попытался воспользоваться случаем, даже не вставал со своей койки. Меня не посадили на цепь, за мной не следили и боль мне не причиняли. Рипа даже не волновало, что я могу что-нибудь ему сделать, пока он спит.

Став его пленницей... я получила то, чего не ждала. Это скорее игры разума, чем физическое принуждение. Вопросы, преследующие определенную цель, а не туманные угрозы.

Я ни на йоту им не верю.

Одна из лент вьется перед моим лицом, явно приказывая браться за дело. Я в шутку отбиваюсь от нее, осторожно привстаю с мехов и тихонько поднимаюсь на ноги.

Стоит мне встать, и я чувствую, как ноет тело, болит ушибленный бок, но плечо уже начало заживать, так что, похоже, мазь Ходжата действительно помогла. Тонизирующее средство тоже, несомненно, подсобило, поскольку чувствую я себя гораздо лучше вчерашнего, хотя боль еще ощущается.

Без меха я тут же замерзаю, кожа покрывается мурашками. Хотела бы я снова нырнуть в теплую койку, однако снимаю со столба платье и надеваю его через

голову.

Я одеваюсь быстро и тихо при помощи лент. Мне становится гораздо спокойнее, что им стало намного лучше после всего одной ночи отдыха. Поглядывая одним глазком на командира, я надеваю чулки и ботинки, хватаю перчатки и натягиваю их почти до локтей, а потом набрасываю и пальто.

Заплетаю волосы в простую косу, наспех прячу в капюшоне и затем натягиваю его на голову. Ленты проскальзывают под пальто и оборачиваются вокруг торса свободными, но надежными петлями, утепляя еще одним слоем.

Крадусь на цыпочках к выходу и, бросив напоследок взгляд на командира, выхожу. Сомневаюсь, что спит он крепко, а я не хочу, чтобы меня поймали сбегающей до рассвета.

Стоит оказаться на воздухе, как перехватывает дыхание от лютого холода, встретившего меня, как пустая постель – отсутствующего любовника.

Хрустя ботинками по утрамбованному снегу, я направляюсь к отхожему месту, пока в небе разливается рассвет, окрашивающий его бледной серостью.

Сегодняшнее утро кажется холоднее вчерашней ночи. Зубы громко стучат, когда я отхожу от ямы, и в ту же минуту начинает идти снег. Я возвращаюсь в лагерь, пытаюсь разогнать кровь, чтобы не чувствовать этот холод, и слышу, что войско уже проснулось.

Я чувствую запах еды и поворачиваюсь, идя на этот аромат. Пробираюсь между палатками и ворчащими мужчинами. Кто-то зевает, кто-то сплевывает мокроту, кто-то разбирает палатки, готовясь снова отправиться в путь.

Я подхожу к тлеющему огню и вижу мужчину, возвышающегося над треногой из палок, внутри которой над костром подвешен большой железный котел. У мужчины темная кожа и длинные вьющиеся волосы с вплетенными в них деревянными палочками в знак уважения к символу его королевства.

Перед ним стоит очередь из уже одетых солдат, каждый держит железную чашу. Мужчина поочередно накладывает в чаши содержимое ложки. Подойдя

поближе, слышу, как он что-то бормочет солдатам, которым раздает еду.

– Не надо так на меня таращиться, а то получишь пинка под зад. И вот кому мне приходится служить. – Шлеп.

– Следующий! Да, да, давай еще медленнее, куда уж торопиться?

Шлеп.

– Тебя тошнит от каши? Да всех нас тошнит от каши, кривоногий ты чурбан, – говорит он и прогоняет солдата прочь.

Следующий в очереди хмуро смотрит на размазню в чаше.

– Кег, а чего, специями приправить нельзя было?

Мужчина, которого зовут Кег, запрокидывает голову и громко смеется, отчего деревяшки в его волосах ударяются друг о друга и издают глухой шум.

– Специями? Оглянись! – говорит он и указывает на мерзлую пустошь ложкой, с которой капает каша. – По-твоему, в этом богами забытом месте можно найти специи?

Вздыхнув, солдат уходит, но когда наступает черед следующего, Кег качает головой и постукивает ложкой по огромной миске.

– Ай-яй. Ты уже получил свою дневную порцию. Вали из очереди, если не хочешь пинка под зад получить. – Похоже, Кегу нравится эта угроза.

Я плетусь за воинами, смотря на горизонт и слыша, как урчит желудок. Передо мной ни много ни мало полсотни солдат. Наверное, стоит поискать еду в другом месте. Если потороплюсь, возможно, смогу снова пробраться к тем телегам и...

– Эй ты, там!

Резко поворачиваю голову и вижу, что Кег смотрит прямо на меня, но на всякий случай оглядываюсь по сторонам. Все остальные солдаты тоже поворачиваются, чтобы на меня поглазеть.

Плотнее натягиваю капюшон на голову, а потом тыкаю себя пальцем в грудь.

– Я?

Кег закатывает глаза.

– Да, ты. Иди сюда.

Впервые меня заметив, солдаты начинают тихо переговариваться друг с другом.

– Это она.

– Позолоченная женщина Мидаса?

– Не очень-то она на нее похожа.

– Хм, да у меня монеты ярче блестят.

Я опускаю подбородок так, что он почти касается груди. От такого пристального внимания хочется броситься наутек. Видимо, Кег замечает это по выражению моего лица, поскольку ударяет ложкой по миске, словно бьет в гонг, и от этого громкого звука некоторые солдаты недовольно морщатся.

– Ну же, девочка, выходи вперед, – зовет Кег.

Собравшись с духом, я иду к нему, пытаюсь не замечать на себе взгляды остальных. Замираю в паре метров от мужчины, и он скользит по мне взглядом темно-карих глаз.

– Вот те на! Ты позолоченная наложница из Шестого царства?

На миг ленты сжимаются вокруг меня, и я отвечаю:

- Да.

Он кивает, отчего витые длинные пряди спадают ему на один глаз.

- Я полагал, ты окажешься более блестящей. И жестче. Скажем, если бы я постучал по тебе, ты бы зазвенела как статуя.

Я непонимающе смотрю на него.

- Что?

Он машет капающей ложкой, показывая на меня.

- Ну, более металлической. Зеркальной. Холодной. А ты из плоти и крови, да? Женственные формы и нежное тело, но только... - Он наклоняет голову в поисках подходящего слова. - Позолоченная.

В тени капюшона моим щекам становится жарко, и я переминаюсь с ноги на ногу, раздумывая, как поступить: развернуться и удалиться или все же стоит остаться и поесть. Я понимаю, что он произнес эти слова без злобы или похотливого подтекста, а с искренним удивлением.

- Вот поэтому ее и зовут позолоченным питомцем, придурок, - ворчит стоящий за мной солдат, и я напрягаюсь. - А теперь хватит болтать и обслужи нас. Мы голодные, а твою жижу холодной жрать невозможно.

Кег переводит внимание на солдата и снова машет ложкой, с которой на землю в дюйме от моих юбок падает большой комок.

- Сваливай на хрен и жди своей очереди, а иначе я вылью эту жижу на снег, а потом надаю тебе под зад. Устраивает, солдат?

Ничего не могу с собой поделаться и улыбаюсь.

Кег это замечает и снова переводит на меня самодовольный взгляд, взмахнув ложкой.

– Видишь? Позолоченная меня понимает. А значит, я ее обслужу раньше вас, неблагодарных.

Мужчины в очереди стонут, но улыбка с моего лица исчезает, и я решительно качаю головой.

– О нет. Нет, все нормально. Я подожду, – настаиваю я. Меньше всего мне нужно, чтобы стоящие за мной мужчины оскорбились и заставили меня понести наказание.

– Кег, какого черта? Она, будь проклята, пленница! – откровенно рычит один из них, и это лишний раз убеждает меня в том, что идея Кега оставляет желать лучшего.

Но сам он даже близко не кажется таким встревоженным, как я.

– Ага, пленница, да только мне она нравится больше, чем твоя ноющая задница, а поскольку повар тут я, то я и решаю, кого первым обслуживать. Так что, если что-то не нравится, тащите свои волосатые задницы к кострам других поваров!

Кег отворачивается от мужчин и берет из лежащей на земле груды жестяную чашку. Опускает ложку в котел и накладывает порцию каши, после чего протягивает мне.

– Держи, Золотце.

Я оглядываюсь в ожидании новых недовольств, но Кег практически пихает миску мне в лицо.

– Бери, девочка.

Вздыхнув и надеясь, что не пожалею, беру чашку.

– Спасибо, – тихо говорю я.

Держа одетыми в перчатки руками железную чашу, я чувствую, как в мои холодные ладони проникает тепло.

– Значит... тебя зовут Кег[1 - Бочонок (англ.)].

Армейский повар улыбается мне.

– Моей семье в Четвертом королевстве принадлежит пивоварня. Но я легко отделался. Моего старшего брата вообще зовут Дистилл. – Его карие глаза весело блестят, и он качает головой. – Вот не свезло. Но мы оба завидуем нашей сестре, Барли[2 - Ячмень (англ.)]. У нее-то самое красивое имя.

У меня против воли вырывается удивленный смешок. Вопреки моим сомнениям и опасениям, к Кегу очень легко проникнуться симпатией.

Подношу ко рту чашу, грубый металл царапает губы, когда я опрокидываю содержимое в рот. Глотаю все до последней капли, не распробовав на вкус, что, наверное, к лучшему, судя по жалобам мужчин.

Это варево с консистенцией водянистой каши и небольшим количеством комочков, но оно горячее и съедобное, поэтому я только рада этому угощению. Доев, я поворачиваюсь и ставлю пустую чашу на землю рядом с остальными.

Кег, ухмыляясь, бренчит ложкой по миске и глядит на меня.

– Ха! Видите, как быстро она все съела? И не могла остановиться. Вам всем стоило бы у нее поучиться.

– Наложница может лишь научить раздвигать ноги.

Я застываю, и вся моя прежняя легкость испаряется, когда несколько солдат раздражаются смехом.

– Вызываюсь добровольцем на этот урок! – кричит другой. Смех становится еще громче.

– Ба, ну и я тогда тоже. Давайте на это посмотрим!

Я резко выпрямляюсь. Кег хмурится.

А потом с другой стороны костра раздается зловещий и опасный голос:

- Что именно ты хотел бы увидеть?

Глава 10

Аурен

Сердце подскакивает к горлу. Солдаты замирают, шутливый настрой за секунду сменяется тревогой.

Резко переведя взгляд на фигуру по другую сторону от костра, я вижу того, кто говорит. Там стоит командир Рип, руки его висят по бокам, из середины предплечий торчат шипы, напоминая изогнутые клыки в волчьей пасти.

Невзирая на его расслабленный, непринужденный настрой, от него паром валит угроза.

Он выглядит совсем иначе, чем когда я ушла от него сегодня утром. Того разомлевшего, доброго выражения лица, пока он спал, как не бывало. Сейчас это воспоминание настолько чуждо, настолько неуместно, что я начинаю сомневаться, а выглядел ли он так на самом деле. И как только я, пусть даже всего на секунду, осмелилась подумать, что он не такой жуткий, каким кажется?

В сером свете намечающегося рассвета Рип выглядит устрашающе. К его волосам цвета воронова крыла, бездонным глазам прильнули последние остатки ночи, а скулы окрасили потусторонние тени.

Его внешний вид нацелен пугать, страшить. От одного взгляда на него хочется бежать в другую сторону, и я не единственная, кто так считает, потому как солдаты замирают, словно собираются удрать.

На нем та же экипировка из черной кожи, на поясе висит знакомый меч с рукоятью в виде изогнутой ветки. Простая солдатская одежда, которая ничуть не помогает сделать скрывающуюся под ней угрозу менее очевидной. Над всеми довлеет тишина, смолкает даже Кег.

Я так сосредоточена на Рипе, что замечаю стоящего с ним солдата, только когда они оба начинают двигаться к нам. Мужчина на фут выше командира, у него мощная грудь, злые глаза, проколота губа и длинные каштановые волосы. Именно этот солдат подходил ко мне, когда я шныряла между повозками.

Прекрасно.

Неудивительно, что он такой зоркий подонок. Похоже, он – правая рука Рипа.

Они останавливаются перед шеренгой солдат и нацеливаются исключительно на двоих из них.

– Озрик, – грубым голосом говорит командир Рип. – Думаю, эти мужчины высказали пожелание получить урок.

– Я тоже это слышал, командир, – отвечает Озрик, его губы трогает коварная ухмылка.

Эти два солдата переминаются с ноги на ногу. Один, похоже, сейчас рухнет наземь.

Рип безучастно смотрит на них. Взгляд у него такой колкий, что им можно резать стекло.

– Вот и преподайте им этот урок, капитан Озрик.

В улыбке Озрика нет ничего приятного.

– С радостью.

Солдаты бледнеют, один из них с шумом сглатывает.

– За мной. – Озрик поворачивается, и солдаты бредут за ним, а все остальные, включая меня, смотрят им вслед.

Ну все, кроме...

– Пойдем, Аурен.

Я вздрагиваю от испуга: командир Рип внезапно оказался возле меня.

– Куда? – настороженно спрашиваю я.

– К карете, – отвечает он. Не знаю, что меня удивляет сильнее: место назначения или же то, что он мне и правда ответил.

– Эй, командир, хотите чашечку каши? – спрашивает Кег, помешав нашим с Рипом «гляделкам», о которых я даже не подозревала.

Командир качает головой.

– Не сейчас. – Он снова переводит на меня черные глаза и поднимает руку, показывая дорогу.

Я иду вперед, и Рип подстраивается под мой темп. Он не ведет меня, а идет слева, не ускоряя и не замедляя шаг. Я слишком хорошо помню о его острых шипах на руках и стараюсь не приближаться. С каждым взмахом его руки прижимаю свою к телу.

Рип замечает это и приподнимает черную бровь.

– Нервничаешь?

– Осторожничаю, – поправляю я, смотря прямо перед собой.

По пути я подмечаю, что лагерь уже проснулся, почти все палатки разобраны, лошади накормлены и запряжены, армия готова вернуться в строй и снова отправиться в долгий путь.

Другие солдаты, независимо от их возраста или комплекции, разбегаются прочь, завидев приближающегося Рипа. Все до одного уважительно склоняют перед ним головы.

Я поглядываю на него краем глаза.

– Как вы с Озриком с ними поступите?

– С кем?

– С теми двумя солдатами.

Он передергивает плечом.

– Не волнуйся за них.

Я легонько скрежещу зубами.

– Их комментарии касались меня, поэтому, естественно, я волнуюсь. К тому же ты сам сказал, что безоговорочно доверяешь своим солдатам.

– Да, доверяю.

Вздыхнув от бессилия, я качаю головой.

– Нельзя заявлять, что доверяешь своим солдатам, а потом менять мнение, наказывать их или убивать из-за парочки примитивных гнусностей, брошенных пленнице.

Рип резко останавливается, вынуждая остановиться и меня. Мы одновременно поворачиваемся друг к другу лицом посреди оживленного лагеря. Снег хлупает под ногами, в воздухе висит запах только что потушенных костров, а в легкие проникает влажный, густой холод.

Командир внимательно изучает меня, выражение лица у него непроницаемое.

– Ты их защищаешь?

От его тона начинаю злиться. Мне не по душе это недоверие, что он считает меня такой ограниченной.

– Я не оправдываю их грубые высказывания. Но ты, а не я, провозгласил себя монстром. Я не хочу, чтобы их наказание было на моей совести, – говорю я, потому что мне и без того хватает на руках крови. Больше не нужно. – Если тебе необходимо проявить власть или доказать мне свою правоту относительно раннего заявления о «безоговорочном доверии», то не впутывай меня в свои дела. Вряд ли можно винить твоих солдат в том, что они плохо обо мне отзывались. Я враг. Твоя пленница, – напоминаю ему я.

Мне ни за что не понять, зачем я напоминаю ему об этом. Если честно, затея дурная. И все же что-то в этом мужчине подпитывает мой гнев.

Я слишком долго держала язык за зубами. Подавляла эмоции, стараясь перехватить их в надежде, что не окажусь под ними погребенной. Так что даже меня удивляют эти реакции, эти разнузданные реплики. Понятия не имею, откуда они взялись, но оттого чувствую волнение.

– Позволь, я кое-что проясню, – говорит Рип, помешав ходу моих мыслей. – Я не собираюсь наказывать этих солдат и уж тем более не стану их убивать. Озрик сделает именно то, что ему было наказано: преподаст им урок.

– И что же включает в себя этот урок?

– Главным образом чистку отхожего места. Пока они не вспомнят, как положено вести себя королевскому солдату, служащему в армии короля Ревингера.

Я с удивлением смотрю на него.

– О. – Вот уж не этого я ожидала.

Нашей короткой беседе никто не мешает, но незаметной она не остается. Все бредущие мимо солдаты расступаются, но я чувствую, как они бросают на нас взгляды, вот только приблизиться никто не осмеливается. Мы стоим в

неприкосновенном круге, будто в одном из старых колец фейри, которые когда-то давно были разбросаны по всей Орее.

– Позволь я проясню еще кое-что, – говорит Рип и шагает ко мне. Я уже давно подметила эту его тактику. Ей он пытается выбить меня из колеи, припугнуть своей близостью. Я хочу отойти назад, но вместе с тем не желаю доставлять ему такого удовольствия. Поэтому расставляю ноги пошире и упрямо вскидываю голову.

– Те солдаты вели себя грубо и неуместно, но это вовсе не означает, что я им не доверяю. То, что я сказал до этого, – правда. Они и волоска на твоей голове не коснутся, если только я им не прикажу. Тебе не угрожает здесь ни один солдат. – Он замирает, убедившись, что я его слушаю. – К сожалению, сюда не входят правила приличия. К счастью, Озрик знает толк в том, как выправить неподобающее поведение.

Я вспоминаю оскал этого мужчины и его огромные размеры.

– Не сомневаюсь.

Рип пригвождает меня взглядом.

– Теперь, когда мы разобрались и твоя совесть чиста, не потрудишься рассказать, почему Озрик доложил утром, что вчера вечером ты вела себя подозрительно?

Вот черт.

– Подозрительно я себя не вела, – отрицаю я. – Я просто гуляла по лагерю. Ты вообще-то сам мне разрешил, учитывая, что при мне не было стражи и меня не посадили на цепь. Мы посреди мерзлой пустоши, вокруг солдаты, а ты обещал меня выследить, если я сглуплю и попытаюсь сбежать.

– Хм, – произносит он, не сделав замечание по поводу моего ехидного тона. Рип опускает взгляд на мое пальто. – А как ребра? Лекарь доложил, что ты не разрешила ему тебя осмотреть.

– Я в порядке.

– Если ты продолжаешь врать, то делай это хотя бы сносно.

Тут он не прав. Я в порядке, а еще превосходно умею лгать. В конце концов, я много лет себе врала. Красивая ложь скрывает множество омерзительных истин.

– С ребрами у меня все нормально, но тебе-то какое вообще до них дело? – язвительно спрашиваю я.

Возможно, я говорю с ним в подобном тоне, потому что только так чувствую, что обладаю хотя бы какой-то властью. Мое высокомерие – это кирпичная стена, закрывающая осыпающуюся беззащитность.

– Поскольку, командир Рип, вам не нравится ложь, давайте говорить откровенно, – с бросающей вызов насмешкой ехидничаю я. – Я знаю, кто ты такой, а еще знаю, кто я – жертва, которую ты удерживаешь ради выкупа. Жертва, которой можно подразнить царя Мидаса.

– Верно, – холодно отвечает Рип, и я недовольно поджимаю губы. – И все же невежливо с моей стороны возвращать Мидасу питомца в плохом состоянии.

Меня передергивает.

Питомец. Наложница. Шлюха. Как же я невыразимо устала от ярлыков, которые навешивают на меня люди.

– Я не его питомец. Я – его фаворитка.

Командир Рип издевательски хмыкает.

– Слово иное, а вот смысл тот же.

Я открываю рот, чтобы возразить, но Рип поднимает руку.

– Мне наскучили разговоры о Мидасе.

– Хорошо. Я все равно не хочу с тобой болтать, – парирую я.

Он язвительно улыбается, показывая клыки.

– Чуется, что очень скоро ты передумаешь, Золотая пташка.

Я застываю на месте. В этих словах кроется угроза, но я ни за что не догадаюсь, о чем он сейчас толкует.

– Возвращайся в карету, – говорит он. Манера держаться у него жесткая, он без особых усилий входит в роль командира. – Мы выдвигаемся в десять и продержим путь до наступления сумерек. Предлагаю тебе перед отъездом посетить отхожее место, иначе день точно предстоит неприятный.

– Я хочу увидеть наложниц и стражников, – отвечаю я, пропуская его приказ мимо ушей.

Он кладет руку на деревянную рукоять меча и наклоняется к моему лицу так близко, что я чуть не проглатываю язык. Я отодвигаюсь назад, чувствуя себя пойманным за шкурку кроликом.

– Если чего-то хочешь, придется заслужить.

Рип разворачивается и уходит, солдаты расступаются перед ним, а я смотрю ему вслед.

Не знаю, что он подразумевал под словом «заслужить», но кажется, мне это придется не по нраву.

Глава 11

Царица Малина

Мои служанки взволнованы.

Я то и дело замечаю, как они переглядываются, но делаю вид, будто меня это не волнует. Одна из них так нервничает, что, кажется, вот-вот упадет наземь. Если бы я не была так хорошо обучена держать лицо, на нем уже появилась бы хитрая улыбка.

Нанятая из города портниха сидит на коленях, между бровями у нее залегла глубокая складка. Оценивающим старческим взглядом окидывает подол моего платья. В подушечку для булавок, вшитую в пояс вокруг ее талии, вставлены острые иглы, отчего кажется, будто у нее из живота растет металлический кактус.

– Все готово, Ваше Величество.

– Хорошо.

Я спускаюсь с деревянной лестницы, которую она принесла с собой, и подхожу к зеркалу в полный рост, стоящему у стены моей гардеробной. При виде своего отражения меня переполняет некая жажда возмездия – та, которая медленно зарождается на поверхности тихих вод.

Я поворачиваюсь и гляжу на спинку своего нового платья, зорко его оценивая, а потом снова встаю к зеркалу лицом и провожу ладонями по юбкам.

– Пойдет.

Служанки опять переглядываются.

– Можете идти, – говорю я портнихе.

Она прикусывает губу, а когда встает, старые колени хрустят. Это самая пожилая портниха в Хайбелле, но ее возраст скорее ценность, чем бремя, потому что она трудилась для моей матери, когда я была еще совсем девочкой. Она – единственная портниха, которая помнит, какую одежду носили при прежнем дворе.

– Ваше Величество, если могу... Царь приказал, чтобы вся одежда при его дворе была золотой, – вмешивается старая карга, словно это правило вдруг вылетело у меня из головы. Словно такое вообще возможно, когда всюду этот аляповатый цвет.

– Я прекрасно осведомлена обо всех приказах царя, – невозмутимо отвечаю я, теребя бархатные пуговицы на груди. Мой туалет идеален. Именно такими я помню платье своей матери. Белое, с рукавами и воротничком, отороченными мехом, и серебристо-голубой вышивкой, украшенное розеткой, которая идеально подходит под цвет моих глаз.

Это платье сидит на мне гораздо лучше любого из тех золотых нарядов, что я носила последние десять лет.

– Вы закончите оставшиеся платья и пальто за две недели? – уточняю я.

– Да, Ваше Величество, – отвечает портниха.

– Хорошо. Вы свободны.

Женщина быстро собирает свое добро, бугристыми руками переворачивает деревянную лестницу, чтобы поскорее убрать в нее мерную ленту, запасные иголки, полоски ткани и ножницы, после чего отвешивает низкий поклон и выходит за дверь.

– Моя царица, позвольте заплести вам волосы?

Я смотрю на свою служанку: ее щечки-яблочки нарумянены мерцающей золотой пудрой. Это дань моде для всех женщин – и некоторых мужчин, – которые живут в Хайбелле. Но девчонке желтоватая золотая пыль придает болезненный вид. Вот что еще я должна изменить.

В конце концов, внешний вид составляет о вас половину мнения.

– Да, – отвечаю я, а потом иду к туалетному столику и сажусь.

Заметив, что девушка тянется к коробке золотых блесков, чтобы припорошить ими мои белые волосы, я качаю головой.

– Нет. Никакого золота. Отныне без него.

От удивления ее рука повисает в воздухе, но мои намерения должны быть ясны уже сейчас. Она быстро приходит в себя, хватая гребень и легкими прикосновениями расчесывает мои распущенные волосы.

Я пристально слежу за каждым ее действием, подсказываю, пока она укладывает мои волосы. Служанка заплетает одну косу, начинающуюся у правого виска, шириной не больше моего пальца, загибает ее и оставляет под левым ухом. Создается эффект ниспадающих гладких белых волос, словно речные пороги застыли, не достигнув края.

Не дав девчонке украсить прическу золотыми шпильками или лентами, я говорю:

– Только корону.

Она кивает и поворачивается к шкафу в дальней части комнаты, где я храню царские драгоценности и короны, но я ее останавливаю.

– Не оттуда. Я надену эту.

Она застывает в нерешительности, не в силах скрыть проступившую на лице растерянность.

– Ваше Величество?

Я протягиваю руки к серебряной шкатулке, которую перед этим поставила на свой туалетный столик. Она тяжелая, металл уже потускнел, но я вожу пальцами по изящной филиграни, украшающей корпус. В моем прикосновении одно благоговение.

– Она принадлежала моей матери, – тихо говорю я и провожу пальцем по очертаниям колокола, из полой середины которого свисают сосульки. Я почти слышу издаваемый им звук – холодный чистый звон, эхом разносящийся по

мерзлым горам.

Когда служанка подходит, я открываю шкатулку и показываю хранящуюся внутри корону. Она выполнена из белого опала, высечена из одного-единственного драгоценного камня. Вероятно, этот блестящий камень, извлеченный из приисков, был размером с пять ладоней.

Слабый серый свет, проникающий через окно, только слегка показывает свечение цветов, переливающихся в глубинах короны. Она прочная, но вовсе не такая тяжелая, как корона, которую вынуждал меня носить Тиндалл. Еще одна вещь, которая на меня давит.

Сама композиция проста, сверху вырезаны сосульки – изящные, но острые. Я надеваю корону, расположив ее ровно по центру, и впервые за долгие годы наконец-то чувствую себя собой.

Я – царица Малина Кольер Мидас, и я рождена, чтобы править.

Белое платье, белые волосы, белая корона – и ни намек на золото. Вот как все должно было случиться.

И вот как будет впредь.

Я встаю, и служанка бросается ко мне, чтобы помочь надеть туфли. Напоследок я окидываю взглядом свое отражение и выхожу из комнаты, каждый шаг звучит увереннее предыдущего.

Стражники сгущаются вокруг меня, как дым, пока я спускаюсь по лестнице. Я вхожу в тронный зал через заднюю дверь и слышу гул трескотни собравшихся здесь людей.

Соизволив заметить мое появление, дворяне и придворные в тот же миг кланяются и делают реверансы, чтобы выразить привычное почтение своей правительнице.

Но вот когда они выпрямляются, я чувствую, как по скоплению людей в золотых одеждах, обступивших меня широкой дугой, проходит волна удивления.

Гордо приосанившись, я решительно шагаю вперед, не сводя взгляда с помоста. От давящей на толпу тишины во мне поселяется семя нервозности, зарывается глубже, намереваясь пустить корни, но я выдергиваю его, как сорняк.

Я – царица Малина Кольер Мидас, и я рождена, чтобы править.

Я останавливаюсь у двух тронов. Оба позолоченные, но один больше другого. У трона Тиндалла высокая спинка, с каждого конца торчат шпильки, а шесть сверкающих бриллиантов, вставленных в спинку, изображают Шестое королевство.

По сравнению с ним трон царицы намного меньше и не такой величественный. Прелестное дополнение – и только. Истинная власть – в троне царя, и все здесь это знают.

Включая меня.

Именно поэтому я прохожу мимо престола царицы и сажусь на трон, предназначенный для истинного правителя Хайбелла.

По толпе собравшихся разносится громкий вздох, напоминая катящиеся с холма яблоки, которых так много, что их никак не поймать.

Сев на трон, я опускаю руки на подлокотники и впиваюсь пальцами в бороздки на золоте, по которому Тиндалл часто от скуки постукивал костяшками.

Ему не доставало умения проводить такие открытые собрания. Он терял самообладание, даже устраивая их всего раз в месяц. Для него было презренно сидеть тут, слушать, как люди в его царстве выражают озабоченность и просят прощения.

Он преуспел в балах, где приветствовал других королей, очаровывал гостей за ужинами. Тиндалл всегда расцветал от внимания, обожания и тайных махинаций, которые проходили без зрителей.

Но когда дело доходит до этого, до мельчайших песчинок, собирающихся на винтиках движущих сил царства... ему становится скучно.

И все же этот зал, это ежемесячное собрание – вот где по силам завоевать власть над царством. Если сумеешь взять в свои руки бразды правления над собравшимися дворянами и придворными, можно будет управлять всем королевством.

Я бесстрастно смотрю на собравшуюся толпу. Пускай глазают, пускай шепчутся. Они рассматривают каждую тщательно продуманную деталь в моем гардеробе, замечают полное отсутствие золота, возрождение прежних царских цветов Хайбелла.

Я даю им еще одну минуту, чтобы они восприняли мое тихое заявление. Даю время по-настоящему осознать то, что скоро скажу. Да и себе я даю минуту, дабы насладиться этой картиной, высоко поднять голову и стать той, кем меня воспитывали.

Я спокойно выдыхаю, обвожу взглядом зал, где люди, затаив дыхание, ждут от меня речи. От меня. Не от Тиндалла.

– Люди Хайбелла, теперь ваша царица готова услышать ваши вопросы.

На мгновение все смолкает, словно не зная, стоит ли им воспринимать меня всерьез. Уверена, большинство считает, что скоро появятся советники Тиндалла и скажут им заявить о своих волнениях. Но эти письменные отчеты будут только покрываться пылью в его переговорной, если он вообще их затребует.

Наконец, вперед выходит один дворянин, сэр Дорри. Подойдя к нижним ступеням помоста, он отвешивает поклон.

– Ваше Величество, – начинает он. У него красное от родимых пятен лицо, словно ему по щекам ударили гроздью малины. – Прошу прощения, но кажется, я вынужден напомнить, что вы сидите на троне царя.

Пальцы сжимаются на подлокотнике. Видимо, им понадобится более четкий ответ.

– Напротив, сэр Дорри. Я сижу на троне правителя Хайбелла, где мне самое место.

Раздается шепот, напоминающий шипение взволнованных змей, скользящих по золотому мрамору, но я выдерживаю их взгляды.

– Моя царица... Царь Мидас...

– Его нет здесь, чтобы править царством, – резко перебиваю я сэра Дорри. – А я есть. Так что задавайте свои вопросы, иначе мои стражники выпроводят вас, чтобы кто-нибудь более достойный моего времени вышел вперед.

Мое предупреждение разносится по всему тронному залу. Послание, которое звучит громко и ясно. Я жду.

Слегка вздымающаяся грудь, бесстрастное лицо, холодное безразличие монарха, который умеет поставить на место свой народ.

Либо они повинуются, либо я их заставляю.

Сэр Дорри мешкает. Оглядывается за спину, но никто из пришедших и слова не произносит. Никто из этих самодовольных дворян не приходит ему на подмогу, чтобы защитить место Тиндалла и оспорить мое неприкрытое предъявление прав на престол.

– О, Ваше Величество, прошу у вас прощения. Для меня было бы честью, если бы вы выслушали мои вопросы, – наконец произносит сэр Дорри.

И вот, я подчинила их себе по щелчку пальцев. Победа, а не скука – вот что подстегивает меня стучать пальцем по подлокотнику. Теперь бороздки на нем останутся от моих рук.

Толпа не ропщет. Даже стоящие за мной стражники не переминаются от неуверенности. Потому что когда тебя всю жизнь воспитывали как царскую особу, ты такой и являешься. Неважно, что в моих венах не течет магия, поскольку у меня есть иная власть, передаваемая из поколения в поколение.

Правление Шестым царством у меня в крови.

После сегодняшнего вести разлетятся по белым равнинам нашей холодной земли, как снег, падающий и накрывающий каждый дюйм. Я уже слышу, как они будут сплетничать и перешептываться, когда новости обрушатся на королевство подобно мокрому снегу.

Рассказы о моей опаловой короне будут истолкованы как символ, возгоревшийся в помпезной зале, дворцовый колокол возвестит о начале правления нового монарха, и все перестанут преклонять колени перед Золотым Царем.

Я его заморожу, покрою льдом. Я заставлю Тиндалла пожалеть о решении на мне жениться.

Уголки моих бледных губ трогает редкая улыбка.

Я – царица Малина Кольер Мидас, и я рождена, чтобы править.

Глава 12

Аурен

Меня принуждают на протяжении целого дня ехать в карете одной, и это можно считать своего рода наказанием, беззвучным напоминанием о моем положении изгоя. Но, думаю, в одиночестве есть и преимущества.

Оторванность от остального предполагает защищенность, но вместе с тем в ней таится и опасность. Та, которая исходит от тебя самого.

Для меня, разумеется, опасность – это воспоминания.

Долго тянущиеся часы предоставляют много времени на размышления. Когда рядом никого нет, ничто не отвлекает, звучат лишь слова, сказанные моим внутренним голосом. Этим воспоминаниям некуда деться, ведь я беззащитна и предоставлена самой себе и своему отравляющему обществу.

А потому я вспоминаю прошлое. Хотя и не хочу этого.

– Сколько монет, девочка?

Я прячу свои мокрые руки шестилетней девчушки за спину и стискиваю пальцы.

Мужчина раздраженно, устало смотрит на меня, изо рта у него торчит трубка, из которой поднимается голубой дым.

Он щелкает пальцами. Мы стоим на рыночной площади под навесом в красную полоску, и Закиру не нравится тут со мной задерживаться. Если его поймут на эксплуатации детей, у него будет бездна проблем.

Дождь стекает с парусинового навеса, как струйки слюны, свисающие с оскаленных пастей диких собак, бесчинствующих в городе. Целый день не переставая идет мелкий дождь.

Волосы у меня мокрые, отчего кажутся темнее, чем есть на самом деле, не блестят, и колтуны не спрячешь. Хотя бы джутовая ткань моего платья не дает мне совсем озябнуть, вот только я все равно чувствую себя мокрой крысой.

Когда взгляд Закира темнеет, я быстро вытаскиваю из-за спины руку и нехотя разжимаю пальцы.

Он смотрит на подношение, лежащее на моей ладони, и прикусывает задними зубами трубку.

– Два медяка? За целый день ты получила только два чертовых медяка? – рявкает он.

Услышав его тон, я начинаю дрожать. Не люблю его злить.

Он хватает монеты и запихивает их в карман. Вытащив изо рта трубку, сплевывает мне под ноги, однако я уже привыкла к такому и больше не кривлюсь.

– Тебе всего-то и нужно, что стоять здесь, – огрызается он и, разочарованно глядя на меня, качает головой.

Даже спустя столько месяцев, что я с ним провела, его акцент слишком резкий для меня. Некоторые дети за спиной обзывают его Жабой, потому что он всегда издает квакающий звук, когда по утрам первым делом прочищает горло.

– Стой в углу и улыбайся, и эти тупицы сами будут швырять в тебя деньгами! – осуждающе выплевывает он, словно я не выполняю все беспрекословно, как он велит.

Я прикусываю губу и смотрю на землю, щипаю себя за руку, чтобы не заплакать.

– Дождь... дождь идет, сэр Закир. Мне мало подают, когда идет дождь, – дрожащим голосом объясняю я.

– Ба! – пренебрежительно отмахивается Закир. Он роется в переднем кармане своего клетчатого жилета и, вытащив коробок спичек, поджигает конец трубки, в которой уже насквозь промокли все листья табака. – Возвращайся на место.

У меня дрожит нижняя губа. Я проголодалась, замерзла, устала. Инара плохо спит, а мне всю ночь приходится лежать рядом с ней, зажатой между ее подергивающимися ногами и углом, поэтому я бреду дольше обычного. Я так ждала, когда можно будет укрыться от дождя, когда мне разрешат поесть и отдохнуть...

– Но...

– Тебе дождь в уши попал, девчонка? Мне ни к чему возражения. – Закир бросает использованную спичку на землю. Я смотрю, как она падает в лужу, и пламя мгновенно гаснет. – Еще шесть медяков, или всю ночь проведешь на улице.

Приподняв воротник и нахлобучив на голову шляпу, Закир уходит – наверное, чтобы проверить остальных детей. Я же плетусь обратно в отведенный мне угол на рыночной площади, прекрасно понимая, что еще шесть монет мне не заработать.

Обычно у меня получается вызвать интерес у людей, и они останавливаются вместо того, чтобы пройти мимо, словно я невидимка, но под тенью брызжащих облаков я всего лишь мокрая попрошайка, которую никто не замечает.

И все же я встаю в грязный угол между шляпной мастерской и прилавком с яйцами и улыбаюсь. Машу рукой. Заглядываю в глаза каждому прохожему, застряв в центре чужого города, пахнущего рыбой и железом.

Покупатели не останавливаются, торговцы на меня даже не смотрят.

Никто не отличит слезы от дождевых капель на щеках. Никто не заметит твоей бесцветной улыбки, когда приходится соперничать с облаками. А даже если бы прохожие и обратили внимание, то все равно ничего бы не смогли с этим поделаться.

Поэтому я весь день, до глубокой ночи, прошу милостыню, сложив мокрые руки в мольбе. Если бы на меня кто-нибудь действительно взглянул, то понял бы, что я прошу не денег. Вовсе нет.

Но никто на меня не смотрит, и положенные шесть монет я не зарабатываю.

Когда позже я, наконец, дотаскиваю свое бренное тельце до дома Закира, то сворачиваюсь калачиком в луже на крыльце – я и еще один ребенок, который не выполнил дневную норму. В эту дождливую ночь мы с мальчиком могли бы предложить друг другу тепло и утешение, но он тоже меня дичится и решает забраться по полуразвалившемуся карнизу на крышу. Детям я тоже не особенно нравлюсь.

Той ночью я клянусь богиням больше никогда не жаловаться на дергающуюся во сне Инару, потому что лучше уж получать пинки, чем спать в одиночестве на улице.

В груди щемит, когда меркнет это воспоминание. Я шмыгаю носом, словно желая избавиться от вони мокрой деревни, морской рыбы и трубки Закира. Я пробыла с ним много времени. Слишком много. И много ночей провела под единственным покровом – покровом ночи.

С пяти и до пятнадцати лет я ни разу не спала крепким сном – пока меня не спас Мидас.

«Теперь ты в безопасности. Позволь помочь тебе».

Даже подумать странно: как из той девочки, просившей подаяние в грязном закоулке, я стала женщиной, украшающей золотой замок. Порой жизнь ведет вас по дорожкам, не начертанным на карте.

Я поворачиваюсь к окну и вижу, как мимо проносятся снежные вихри, стекло застилает туман. Что бы я только сейчас ни отдала, чтобы Мидас прискакал за мной с мечом и факелом и спас.

Но он не знает, где я, и даже не ведает, что я попала в беду. Вот почему так важно отправить ему послание. Не только ради себя, но и потому, что я меньше всего хочу, чтобы это войско проникло в Пятое королевство и всех там безжалостно поубивало.

Если я не сделаю все от меня зависящее, чтобы предупредить Мидаса о грядущей опасности, тогда судьба Пятого королевства будет на моей совести.

Я не могу понести поражение.

Послать предостережение – это все, чем я в состоянии помочь. Этого мало, но, надеюсь, хватит, чтобы Мидас встретил угрозу во всеоружии.

Я не сомневаюсь, что, узнав о моем похищении, Мидас ни перед чем не остановится, чтобы меня вернуть. Ни перед чем.

Когда на землю опускается мрак серых сумерек, моя карета резко останавливается, и я чувствую, как с нее спрыгивает кучер. Провожу рукавом по стеклу, оставляя чистую дорожку, чтобы выглянуть наружу.

Там виднеется необычная возвышенность, холм, который, подобно снежной дюне, плавно поднимается вверх. По центру холм полый и поразительно голубой. И яркий даже в темноте, что кажется неестественным. Напоминает великана, дремлющего под снежным пологом, так что виднеется только

ослепительная голубая радужка приоткрытого глаза.

Солдаты разбивают основной лагерь прямо посреди короткой, но широкой пещеры. Вскоре у расщелины они разводят большой костер, и это мерцающее пламя освещает саму пещеру.

Раздается щелчок замка, и дверь кареты распахивается. Я вижу Озрика и спускаюсь, земля немного скользкая. Вокруг меня ставят палатки, распрягают лошадей, разводят костры, выкапывают отхожее место.

- Тебя хочет видеть командир.

Я смотрю на Озрика.

- Зачем?

Он задумчиво двигает языком торчащую из его губы щепу.

- Мне поручено тебя привести, а не отвечать на тупые вопросы.

Я вздыхаю.

- Ладно, веди.

Он прокладывает дорогу через весь лагерь, и я бреду за ним, но это нелегко. Мне приходится уворачиваться от солдат, уклоняться от торчащих из земли кольев и пробираться по снегу, который еще не примяли солдатские сапоги.

Чуть не перевалившись за кучу дров, сгруженных для разведения костра, я чертыхаюсь, успев устоять, а потом шмякаюсь лицом в снег. Озрик с ухмылкой оглядывается на меня.

В жилах закипает кровь.

- Ты нарочно ведешь меня по самой поганой тропе, какую только смог найти?

- Ты малость медленно соображаешь, но рад, что до тебя все же дошло, - отвечает этот ублюдок.

Я перешагиваю через разбросанные поленья и догоняю его.

- Я и впрямь тебе не нравлюсь?

Он хмыкает, словно мой бесцеремонный вопрос его удивляет.

- Мне не нравится Мидас, а ты его символ.

Я пошатываюсь и на мгновение замираю, а потом снова продолжаю идти.

- Что ты имеешь в виду, говоря, что я его символ?

Никогда прежде не слышала, чтобы обо мне так отзывались.

Озрик ведет меня мимо лошадей, стоящих вокруг стогов сена, вынуждая обходить разбросанный по земле навоз.

- Ты его трофей, безусловно, но еще и его отражение, - говорит Озрик. - Когда на тебя смотрят, то видят его. Все думают о его даре обращать все в золото и представляют, каково было бы иметь подобную магию, такое бесконечное богатство. Ты символизируешь его власть - не только над его царством, но и над всей алчностью в Орее, а он это страсть как обожает.

Я потрясена и так удивлена его речью, что не могу найти ответ.

- Так что да, когда я смотрю на тебя, его маленького золотого питомца, которым он хвастается, это меня злит.

- Так не смотри на меня, - парирую я, в моем голосе появляются жесткие нотки.

Озрик фыркает.

- Пытаюсь.

Не понимаю, почему краска стыда заливает мои шею и щеки, оставляя ржавый румянец, но это так.

- Для справки: я тоже злюсь, когда на тебя смотрю, - отвечаю я.

С его губ срывается хриплый смешок, такой громкий и внезапный, что я подпрыгиваю.

- Полагаю, тогда нам лучше друг на друга не смотреть.

Я бросаю взгляд в его сторону.

- Согласна.

Оставшуюся дорогу мы идем молча, но на сей раз я замечаю, что Озрик выбирает путь попроще.

Глава 13

Аурен

Озрик ведет меня к большой палатке - той, что стоит отдельно от остальных. Судя по размерам и округлой форме, в этой палатке, напоминающей тент на королевских турнирах, проводятся собрания.

Я захожу вслед за Озриком и вижу лежащие на полу меха и стоящий посередине круглый стол. Вокруг него расположились трое солдат, которые разговаривают с командиром, сидящим прямо напротив входа. Заметив наше появление, все поворачивают головы, и их внимание устремляется на меня.

Рип переводит взгляд на своих людей.

- Соберемся потом.

Солдаты кивают и встают, бросив на меня перед уходом оценивающие взгляды.

Когда нас остается только трое, я нерешительно мнусь у входа. Командир Рип окидывает меня пытливым, пугающим взглядом. Он выглядит точно так же, как и сегодня утром. Разве что шипы на руках кажутся короче обычного, словно он частично их спрятал.

– Садись, – в конечном счете говорит он.

Я обхожу стол и выбираю место подальше от него. Он ухмыляется, когда я выдвигаю стул, словно знал, что предпочту сесть там. Я с вызовом смотрю на него. Он ухмыляется еще шире.

Озрик собирает разложенные на столе бумаги, а я молча корю себя за то, что не нашла времени изучить их, пока у меня была такая возможность. Успеваю заметить карту и какие-то послания перед тем, как Озрик убирает их, свернув и приставив к стене палатки.

Теперь, когда на столе ничего нет, кроме пары фонарей, я нервно осматриваюсь. По какой-то причине в опустевшей палатке интерес командира пугает сильнее.

Здесь мне не на чем остановить взгляд, не на что отвлечься. Возможно, это и входило в его намерения.

Озрик выдвигает табурет рядом с командиром и садится. Все в этой ситуации вышло через одно место – вот и у Озрика влезла только половина зада.

Я смотрю на них с противоположного конца стола и, пусть и сжимаю руки на коленях в кулаки, точно знаю, что они этого движения не заметят.

Порознь они отпугивают от себя, но вместе... чувствую себя так, словно оказалась посреди стаи голодных волков.

Поза у Рипа непринужденная, хотя спину он держит прямо, локти лежат на столе, шипы отражают свет. Он внимательно меня разглядывает, отчего по холодной коже ползут мурашки.

Мне с трудом удается не вертеться под этим взглядом, как уж на сковородке, но я вынуждаю себя замереть и проявляю тревогу, лишь втайне сжимая руки в кулаки.

- Итак, ты десять лет была фавориткой царя Мидаса.

Я перевожу взгляд с Рипа на Озрика и обратно.

- Да... - осторожно отвечаю я.

- Ты получала от этого удовольствие?

Я недоумевающе смотрю на командира.

- Получала ли я удовольствие? - повторяю я, от растерянности поджав губы. Что за вопрос такой?

Он кивает, и я чувствую, как, словно кирпичная кладка, выстраиваются вокруг меня мои защитные стены.

- Я уже говорила: я не предаю Мидаса, снабжая вас сведениями.

- Да, Озрик сообщил, что именно так ты и сказала, - отвечает Рип, и уголки его губ приподнимаются в легкой улыбке. - Но я спрашиваю не про Мидаса. Я спрашиваю про тебя.

Я переплетаю пальцы, ногти впиваются в ткань моих перчаток.

- Почему?

Командир Рип наклоняет голову.

- Аурен, кто-нибудь вообще разговаривал с тобой не таясь?

Не успеваю спохватиться и горько усмехаюсь.

- Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бочонок (англ.).

2

Ячмень (англ.).

Купить: https://telnovel.com/kennedi_reyven/blik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)